

Екатерина
МИТРОФАНОВА
Финляндия, г. Вантаа

1

Чародей из Чугунки, или Несколько дней первой любви

повесть

Всё в Иде Эдуардовне, молодой учительнице по русскому языку, было некрасивым и каким-то чрезмерным: слишком близко посаженные глаза, огромный, как у кита, рот и вытянутое одутловатое лицо. Светлые волосы Ида Эдуардовна старательно собирала и прятала в тугой пучок, отчего голова казалась лысой. Во взгляде её читались то укор, то радость, то обида, но при этом он почти всегда оставался унылым, наверно, как сама вечность.

Даша Якушева сидела за последней партой, смотрела в окно. Маленькое белое солнышко, больше похожее на прилепленную к стене жвачку, грустно глядело на неё и как будто даже вздыхало.

Деревья дремали под снежными шубами, а вдалеке дымило трёхголовое чудовище ТЭЦ. Тяжёлые головы-градирни темнели на фоне ослепительно белого снега.

Слушая русичку, Даша размышляла и о красоте, и о теме урока одновременно. Вспомнилось, как хихикали девчонки и гоготали мальчишки, когда Новицкий, воспользовавшись отсутствием учительницы, порывшись в выдвижном ящике её стола и извлёк из него листок со стихотворением, посвящённым Иде Эдуардовне. Изображая влюблённого физрука, Новицкий декламировал строчки перед всем классом, попутно он жестикулировал, как плохой актёр, играющий Ромео в сельском клубе.

Восьмой «б» не сомневался, что стихотворение написал физрук Аркадий Савельевич. Тот подозрительно часто захаживал в кабинет русского языка и литературы, в такие минуты слишком много радости появлялось в угрюмом взгляде Иды Эдуардовны.

В потоке размышлений в Дашином воображении рядом с влюблёнными нарисовались важные сеньоры — дееспричастия, о которых вещала русичка. Они представлялись ей насупленными, будто обиженными на всех, отчего городили вокруг себя заборы из запятых. Кто-то из

сеньоров, не выдержав гордого одиночества, сговаривался с другими словами — рыцарями, так получались загадочные деепричастные обороты, и тогда они вместе оборонялись от непосвящённых баррикадами — запятыми.

Дверь в кабинет приоткрылась. Даша заметила, как блеснули в усталых глазах Иды Эдуардовны искорки радости. Ей даже на мгновение показалось, будто бы русичка вдруг преобразилась — стала неузнаваемо красивой. «И всё же что в ней нашёл Аркадий Савельич? — оценивающе глядя на училку, думала Даша. — Может быть, женщины, которым посвящали стихи великие поэты, в жизни не всегда были красотками? А то и такие же, как эта швабра — Гнида Эдуардовна».

Вместо физрука в дверном проёме мелькнула рыжая мальчишечья голова и тут же исчезла, точно лягушачий язык, словивший комара. Учительница продолжила рассказывать про деепричастные обороты, а Даша с грустью заметила: «А ведь получается, что русичка красивее, чем я: мне ещё никто стихов не писал».

Распухая от тетрадей бордовая кожаная сумка привалилась к ножке парты, точно устала носить в себе такой груз, вымотавшись за школьный день. Опасаясь строгого замечания, Даша медленно потянулась к ней, не сводя взгляда с учительницы. Маневр удался, и она вытащила из бокового кармана недавно подаренный отцом смартфон. Предусмотрительно поставив перед носом открытый учебник, чтоб не увидела училка, Даша уткнулась в экран.

— Ух! — вдруг вырвалось у неё, когда она прочитала на странице Джойстика, самого красивого парня в школе, свежую запись: «После уроков репетируем в столовке». С точкой в конце, без ошибок — как она любила. Не то что у всех остальных!

«Конечно, — обрадовалась Даша, — через пару дней концерт по случаю пятидесятилетия школы — значит, они будут выступать».

— Третья парта! — рывкнула русичка, и Даша, вжавшись в стул, виновато уставилась на неё.

Ида Эдуардовна, когда злилась, плотно сжимала и чуть вытягивала губы. Вот и сейчас она свирепо глядела на Дашу, сложив губы в цветочек, точно хотела поцеловать, этим напоминала хищное растение непёнтес. Но кары не последовало. Учительница продолжила рас-

сказывать о деепричастных оборотах, точно забыла о Дашином существовании.

А та, обрадованная возможностью увидеть Джойстика, начала перебирать в голове варианты, как бы ей «случайно» в нужное время заглянуть в столовую: «Пирожки в такое время уже не продают... Да и денег нет. И что же мне делать целых два часа?.. Уроков-то у десятых классов обычно больше, чем у нас, в восьмых!» Тут Дашу будто кипятком ошпарило — она вспомнила про рейтузы, которые мама заставила её надеть в школу. Именно сегодня! В тот самый день, когда наконец-то появилась возможность встретиться с Джойстиком! «Предстану перед ним как лохушка, в шерстяных рейтузах, да ещё и ненакрашенная!» — с отчаянием думала Даша, больно кусая губы. Она легонько толкнула локтем соседку по парте Светку, старательно разрисовывающую поля тетради.

— Чё там у тебя? — зашептала Светка, перевалившись тучным телом на Дашину половину парты и сунув длинный нос в Дашин смартфон. Увидев на дисплее свежий пост, она без слов всё поняла и с затаённой улыбкой убралась на своё место.

— Свет, не знаешь, кто сегодня в столовке дежурит? — шёпотом спросила расстроенная Даша, не сводя глаз с аватарки Джойстика.

Сколько раз она любовалась этим лицом, рассматривая фотографии!.. Сколько раз в подробностях рисовала его в своей голове... А Джойстик даже не знает о её существовании! Необходимо срочно что-то с этим делать!

— Ефимова дежурит. А чё? — сторая от любопытства, в голос ответила Светка и, словно в классе несколько Ефимовых, уточнила: — Ведьма которая.

Даша обернулась, чтобы взглянуть на одинокую сидевшую за последней партой Каринку Ефимову. Та сидела, настороженно озираясь по сторонам, точно опасалась чего-то, она то и дело убирала длинные сальные пряди за оттопыренные уши. «Хоть бы помылась, замарашка!» — брезгливо подумала Даша.

Тем временем белое пятно солнца в большом окне увеличилось в размерах, теперь оно светило ярко и, с любопытством заглядывая в кабинет, посылало Даше на парту тёплый луч. Даже дымящийся вдалеке монстр теплоэлектростанции

ли уже не казался таким страшным. «Чудовище, но доброе, а может, и пушистое», — мечтательно улыбнулась Даша и вновь уткнулась носом в смартфон. Теперь открыла свой ютуб-канал, обрадовалась: «Ого, сколько комментариев!» Это был видеоблог о книгах. Она вела его уже два с половиной года. Первые видео, снятые на телефон, набирали совсем немного просмотров — от силы пятнадцать-двадцать. Да и говорила юная блогерша поначалу зажато, несвязно... Со временем она стала смелее, свободнее рассказывала о прочитанных детективах, фэнтези, приключенческих романах. Просмотры становилось всё больше, а количество подписчиков росло. Комментарии к роликам в основном писали взрослые. Они интересовались Дашиным мнением о книгах, благодарили за обзоры. А ей это было страшно приятно! Она с удовольствием отвечала всем.

Голос Иды Эдуардовны отвлек от интернета.

— ...Желающих посещать факультативные занятия жду после уроков в тридцать седьмом кабинете, — отчеканила она, постукивая по столу шариковой ручкой.

Тут же, будто по указанию русички, зазвенел звонок, отменяя все правила поведения в школе.

Мишка заорал во всё горло:

— Свобода!!!

Копейкин и Зюзя с размаху закинули рюкзаки на парту и начали не спеша складывать учебники и тетради. Васька зачем-то метнул карандаш в сидящую сзади толстую Людку Васенину, а та в ответ мощно залепила ему пеналом по голове. Даже отличница Яна с первой парты вскопчила со своего места и шустро засобиралась.

— Качанова, тебе говорят! После уроков — факультатив! — подражая строгому голосу учителя, прокричал зубрилке Новицкий и первым выскочил из кабинета. Яна даже не успела привычно посмотреть на обидчика как на клопа.

Даша тем временем сунула в сумку тетради, оставалось запихать учебник в истертый до мелких дырочек полиэтиленовый пакет, и без того набитый под завязку. Она уже знала, где проведет свободное до репетиции Джойстика время, к тому же спешила к Ведьме, чтобы та наколдвала ей счастье, — то есть разрешила подежурить в столовке вместо себя.

2

В школьном коридоре было шумно, как на празднике. Восьмой «б» ждал начала урока: кто сидел на полу под дверью кабинета информатики, кто — на подоконнике или на рюкзаке, привалившись к стене. Притулившись к дверной коробке, высокая сутулая Каринка грызла ноготь на мизинце и исподлобья поглядывала на одноклассников. В маленьких гипнотических глазах её было что-то страшное, гипнотическое, из-за чего в Каринку нередко кидали обидное «ведьма» и сторонились.

Каринкино дистрофичное тело обтягивала грязноватая блузка с рюшками, ниже мешком — старомодные джинсы. Это выглядело так, словно она одевалась с закрытыми глазами — брала то, что первым попадало под руку. «Сюда бы юбочку или брючки, — оценивающе поглядывая на неё, думала Даша. — Вырядилась тут, обезьяна ушастая!» Над Каринкиными нелепыми нарядами смеялся весь класс, даже учителя относились к ней с пренебрежением, хотя и старались этого не показывать. Учительница по математике однажды так прямо и сказала: «Тебе в класс ЗПР надо идти». Каринка всегда ходила одна, с ней никто не дружил, училась она плохо, часто прогуливала.

«Как загнанный в ловушку зверёк, — подумала об однокласснице Даша. — Вроде жалко, а поднесёшь руку — укусит. Как подкатиться насчёт дежурства?»

— От тебя рыбой воняет! — морщась, возмутился Робозёров, прислонившийся к стене около Каринки. Отходя, он толкнул её в бок.

Та в ответ прошипела что-то невнятное, словно затравленная кошка, могла бы — взглядом рожу бы ему расцарапала.

— Треска! — хихикнула модница и та ещё задирала Сонька Миньдюкова, будто ждала подходящего момента, чтобы прицепиться к Каринке.

Около кабинета как по волшебству возникла молоденькая учительница информатики с зажатым под мышкой классным журналом. У неё было красивое прозвище — Птичка. Оно появилось само собой, как только Виктория Владимировна, знакомясь в прошлом году с классом, назвала свою фамилию — Птичкина.

Теперь Птичка открыла замок, и восьмой «б» повалил через дверной проём, словно речка, пробившая запруду.

Даша шла позади Соньки и слышала, как та сквозь зубы процедила Каринке:

— После урока получишь!

Ведьма не захотела ждать окончания урока, замахнулась и разом сама влепила тем, кто оказался поблизости, потом развернулась и рванула обратно в дверь. Миньдюкова заслуженно получила по голове, а ни в чём не виноватая Даша — по челюсти. Сонька заорала как резаная, но, когда Птичка взяла её за плечо и повела к парте, замолчала и, обиженная, начала вытаскивать из сумочки тетради.

Гремя партами и стульями, ребята рассаживались по своим местам. Даша, прижав ладонь к ушибленному месту, огляделась по сторонам: Каринки уже не было. «А зверёк всё-таки укусил, — без злости философски заметила Даша, но чуть запаниковала: — Как же я у неё про дежурство-то спрошу, если эта крыса с последнего урока свалила?»

3

В кабинете информатики Даша сидела уже не со Светкой, а с дылдой Фоминым, который был вдобавок куряга — от него разило сигаретным дымом на три парты вокруг.

Птичка была учительницей робкой, к тому же настолько хрупкой, как картофельные чипсы. По какому-то своему убеждению она считала, что девочка должна сидеть обязательно с мальчиком. А так как мальчиков на всех не хватало, то несчастные ученицы должны были находиться в изоляции — каждая за своей партой, как монахини в кельях. Хотя восьмой «б» из-за этого воевал с Птичкой, садиться так, как рассадила класснуха или — ещё лучше — где захочется, — не получалось. У мягкой, жалостливой учительницы можно было выпросить что угодно: и уйти пораньше с урока, и даже воспользоваться учебником на контрольной! Но, когда дело касалось рассадки учащихся, Птичка вдруг становилась непробиваемой, как корпус космического корабля, и с виноватой улыбкой стойко выдерживала все бомбардировки восьмого «б».

Даша опять залезла в соцсеть. Джойстик был в онлайне. Девочке хотелось прыгать, кричать от счастья. Бежать бы сломя голову из душного кабинета информатики с допотопными пузатыми мониторами!

— Якушева, — над самым ухом внезапно прочиркала Птичка, — расскажи нам, что такое дискретный сигнал.

Даша неторопливо подняла глаза на учительницу, как бы спрашивая: «Какой дискретный сигнал? Вы о чём вообще? Разве это может быть важным, когда он в сети?» Школьница отложила телефон, который на информатике не приходилось прятать от училки, и с лёгкостью ответила:

— Не знаю.

— Два, — с такой же лёгкостью пропела информатичка.

И эта двойка показалась Даше какой-то мелкой, незначительной, как пылинка на серой кофточке.

— Одолжи джинсы, а? — прошептала Светкиной спине Даша, когда вонючка Фомин вышел «намочить тряпочку». Под этим предлогом он всегда уходил курить и возвращался под конец урока.

— Чё? — вытаращила глаза обернувшаяся Светка.

— Тебе ж всё равно домой идти... Пальто у тебя длинное — не заметит никто, что ты без штанов. Не в рейтузах же этих уродских перед Джойстиком шеголять!

— Офигела, что ли? — надулась подруга. — Я без штанов по улице не пойду! Тебе же мои велики будут!

— Придумаю что-нибудь! Выручай! — взмолилась Даша. — Ну что тебе стоит?

— Да отстань ты! Сама без штанов к нему иди — тогда точно заметит, — обиделась Света и отвернулась.

Даша отстала от неё и вновь уткнулась носом в дисплей смарта. Она рассматривала фотку Джойстика: он лежал под пальмой на берегу океана. Даше представилось, что она не на уроке информатики, а там, с ним на курорте, и первый раз в жизни видит бескрайние воды и экзотический пляж.

— Красивый! — завистливо облизнулась вновь повернувшаяся к ней Светка. — Везёт же

тебе! — добавила так, будто Джойстик уже был Дашиным парнем.

«Красивый! Как же! Красивых много, а он — один. Один! Единственный!» — подумала Даша и больно прикусила губу при мысли, что он и не знает о такой Даше из восьмого «б».

Замечтавшись, она и не заметила, как пролетел целый учебный час. С остервенением затрещал звонок. Даша торопливо сложила пожитки в сумку и выпорхнула из кабинета информатики.

4

Подходя к тридцать седьмому на третьем этаже, Даша обомлела от такого везения: у двери стояла лопоухая Каринка, она явно дождалась факультативного занятия.

— Слушай, — не теряя времени, предприимчивая Даша подошла к Ведьме, — ты сегодня дежуришь в столовке?

— Дежурит, — ответила вместо Каринки невесть откуда нарисовавшаяся Светка. Ей-то, троечнице, точно были неинтересны дополнительные занятия по русскому, выходит, пришла она то ли из любопытства, то ли за компанию.

— Можно мне сегодня за тебя подежурить? — с лёгким напором спросила Даша.

Каринка насупила брови — видно, за уборку грязной посуды ещё придётся повоевать.

— Да чё уж, можно! — опять встряла вездесущая Светка и весело обратилась к Каринке: — Правда ведь? А?

Сутулая, худая дикарка стояла у стенки, точно зажатая двумя девочками: пути для побега перекрыты. Карина переводила ненавидящий тёмный взгляд с одного лица на другое. Даше стало не по себе, когда она заметила дрожь в Каринкиных руках, — так страшно было бедняжке.

А Светка вдобавок заржала — по-лошадиному громко, на весь коридор.

— За тебя работать идут, а ты кобенишься! — выпалила она.

— Стоп! — остановила подругу Даша, чувствуя, что не видать ей сегодня Джойстика, как Светке пятёрки по русскому за четверть. — Ты прости нас. Мы дуры глупые — наехали сразу, — обратилась она к Ведьме нарочито ласково.

— Ты за себя говори, — обиделась Светка, надув и так пухлые губы. — Я тебе не дура.

— Слушай, а тебе какая музыка нравится? — пыталась подружиться с дикаркой Даша.

— Да чё ты с ней сюсюкаешь? — мощно пробасила Светка на весь этаж.

Каринка упорно молчала. Раздался стук каблуков Иды Эдуардовны — такой узнаваемый, что, окажись Даша среди толпы цокающих каблуками училок, она бы запросто отличила шаги русички: тяжелые и как будто нервные. И тут школьнице захотелось взречь от того, что возможность договориться с Ведьмой почти потеряна. За училкой, дожёвывая пирожок, шла опоздавшая Яна Качанова. В глазах Иды Эдуардовны Даша прочитала приятное удивление: выходит, факультативом заинтересовалось так много учеников.

— Дежурьте! — бухнула вдруг Каринка вслед заходившим в кабинет девочкам, а сама пошла прочь по лестнице.

5

После факультатива обе подружки, предвкушая нечто необыкновенное, направились в столовую. Проходя мимо учительской, Даша остановилась и, оглядевшись, сунула голову в приоткрытую дверь. Убедившись, что в кабинете никого, юркнула внутрь. Спустя минуту она выскочила из учительской как ошпаренная и, схватив подругу за руку, бросилась к школьному туалету.

— Ты рехнулась, что ли?! — шипела Светка на бегу.

В туалете впопыхах, точно новобранец по команде «боевая тревога», Даша снимала сапоги и рейтузы. Из сумки она вытащила большой красивый платок Иды Эдуардовны, добытый в учительской, и повязала его вокруг талии — получилась модная юбочка.

— Хорошо хоть капронки одела под рейтузы. С такой юбкой зашибись как смотрится! — разглядывала Дашу Светка. — И цвет у платка крутой! Фиолетовый сейчас в моде! Современно!

— Угу, — соглашалась Даша, хорошенько закрепляя концы платка, мысленно исправила неграмотную подругу: «Не одела, а надела!» Она терпеть не могла, когда говорили неправильно,

но, боясь показаться занудой, никогда не исправляла собеседника вслух — ну разве что маму.

— Гнида-то у нас модница такая! — продолжала Светка. — Ещё бы! Надо же перед физруком выпендриться.

В туалетах для школьников зеркал над раковинами не было, как, впрочем, и туалетной бумаги, мыла, бумажных полотенец... Директриса объясняла это очень просто: «Разобьют, разбросают, растащат!» Дашке пришлось залезть в сумку.

— Главное, по пути в столовую ей на глаза не попасться, — смотрясь в вытащенное зеркальце, говорила Даша. — А потом закинем платок обратно. Если закрыто будет, то повесим на ручку, — пусть думает, что где-то оставила, а какой-то добрый ученик решил помочь и принёс.

6

Девочки торопливо шагали по пустому коридору, перешептываясь, как заговорщицы.

Столовая была по совместительству ещё и актовым залом: за рядами столов и скамеек располагалось возвышение — сцена. Там уже расставляли, настраивали инструменты школьные музыканты.

— Вот он! — на пороге столовки шепнула в самое Дашино ухо Светка, указывая на длиноволосого стройного басиста, задумчиво перебирающего струны.

Завидев девчонок, к ним подлетела повариха, маленькая и круглая, как колобок:

— Вона сколько работы вам! — скомандовала она.

Те, бросив сумки, сразу принялись за дело.

Даша убирала грязную посуду со столов, а сама то и дело восхищённо поглядывала на Джойстика. Вдруг она произнесла про себя его настоящее имя: «Максим...» Нет, не то чтобы раньше она не называла его по имени, а сейчас вдруг назвала! Даша твердила его про себя много раз, но сегодня, глядя на своего героя, внезапно осознала, что это самое красивое и подходящее для него имя. Не то что Джойстик какой-то. «Максим», — ещё раз мысленно с нежностью повторила она.

Джойстиком он стал недавно для конспирации. Почуввав, что подруга влюбилась, Светка после уроков пристала: «Кто да кто?» Даша

сдалась — так ей хотелось с кем-нибудь своими переживаниями поделиться! Не маме же рассказывать, в самом деле! А чтобы никто другой не узнал тайны, подруга предложила как-нибудь назвать объект Дашиного обожания. Света придумывала, вертелась в поисках подсказки и наконец выдала: «Пульт!» — «Какой ещё пульт?» — возмутилась Даша. «Да самый обыкновенный. Вон... Такой, как на училкином столе лежит... От проектора». — «Тогда уж Джойстик, — подумав, предложила Даша. — Это всё-таки лучше, чем пульт какой-то».

В столовке гремела музыка, звучала одна песня за другой. Работая, Даша слушала, попутно пытаясь поймать взгляд Максима, а он то смотрел себе под ноги, то зачем-то вверх — куда угодно, только не на неё. И лишь в конце пятой песни, когда на душе у влюблённой уже безжалостно скребли кошки, мельком взглянул на неё. Быстро, вскользь, но и этого хватило, чтобы Дашины руки дрогнули и тарелка выскользнула на пол, разбившись на мелкие осколки.

Почти сразу из кухни выкатилась повариха. Шума разбившейся посуды она услышать не могла, потому на дежурных внимания не обратила, показывая на настенные часы, женщина старалась докричаться до музыкантов:

— Всё! Заканчиваем! Мне, что, до ночи с вами тут сидеть?!

Музыка поутихла.

— Идём-идём, — примирительно крикнул в ответ худощавый вокалист с длинным, как у дятла, носом и острым кадыком.

Повариха вернулась в кухню, а громыхание барабанов и шум перегруженных гитар сменились оживлённым разговором, прерываемым гортанным смехом парней.

Светка сгоняла за веником и совком, вдвоём они быстро замели осколки и, пока никто не видит, скинули их в угол, за батарею и сломанные скамейки. Напоследок оттащили в посудомоечную несколько подносов — дежурство кончилось.

Музыканты складывались, чехлили инструменты. И вот Максим прошёл мимо Даши, даже не взглянув на неё. А влюблённая школьница жадно вдыхала аромат самого «необыкновенного» парфюма на свете, оставшегося витать в воздухе.

Подружки забрали из пустого гардероба свои куртки, оделись и поплелись по домам: каждая — в свою сторону.

7

Смеркалось. Счастливая Даша шла на автобусную остановку, разглядывая тянущиеся вдоль тротуара уличные фонари: снежинки празднично переливались в электрическом свете. Обычно она ходила домой пешком, — тут недалеко, всего одна остановка. Но сегодня хотелось прокатиться по городу — подумать, поглазеть на зимний город. Заснеженные деревья стояли точно невесты в кружевных платьях и шляпках с вуалями. «Как в сказке», — подумала Даша, и сердце её томилось светлой радостью. Так поздно Даша возвращалась домой только по средам, когда сразу после школы шла в Дом творчества на кружок бисероплетения.

Ожидая автобуса, школьница стояла на остановке, зябко перетаптываясь с ноги на ногу: модные осенние сапожки на каблуках не грели, а старые зимние ботинки, разлапистые, как чугунные утюги, Даша старалась не носить. Тяжёлый пакет с учебниками резал пальцы. Плечо тянула раздутая от тетрадей женская сумочка.

Почти все одноклассницы носили подобные сумочки, будто зашли на уроки случайно, по пути в магазин. Это выглядело очень по-взрослому, и Даше хотелось быть такой же...

8

Перед школьницей со скрежетом остановилась белая «девятка». Ее динамики надрывно хрипели, плевались громкой музыкой. Тонированное стекло опустилось, из машины высунулась физиономия с вызывающей наглой улыбкой.

— Де-еву-ушка, подвезти? — протянул мужчина со впалыми щеками, ощупывая взглядом Дашу.

Она гордо, как оскорблённая дама, отвернулась от него. Ей было приятно услышать обращение «девушка», но сердце заколотилось от испуга: сколько историй про маньяков она слышала!

— Садись давай! Не кобенься! — высунулась вторая голова, жирная и круглая, как блин.

— Нет! — нашла в себе силы ответить Даша. Голос звучал зажато, хрипло и неуверенно, как слабый сигнал в радиоприёмнике.

Головы молчали и причмокивали губами, словно пробовали её короткий ответ на вкус. Вдруг дверь «девятки» распахнулась, и Даша, мигом среагировав, пустилась наутёк. Тонкие высокие каблочки проваливались в корку снега, Даша еле удерживалась на ногах. «Может, спрятаться в чужом подъезде? Где, вообще, люди?» — мысли метались в голове, словно перепуганные птицы.

Наконец она остановилась, почувяв, что никто за ней не бежит. Вокруг было тихо. Колкие мелкие снежинки засыпали землю, уличные фонари горели мягким тёплым светом. По-прежнему блестели деревья, но уже не так празднично, как сначала показалось Даше.

Немного успокоившись, она вспомнила мимолетный взгляд Максима в столовке. Теперь ей показалось, что тогда он смотрел на неё не как на девушку, а как на ребёнка — наивную восьмиклашку. Наверное, и выглядит она со стороны в этих модных сапогах на каблуках, как дитё в маминых туфлях. Даша побрела домой, в глазах её стояли слёзы.

9

Подходя к дому, по привычке нашла окна своей квартиры. В кухне горел свет. «Интересно, что делает мама? Готовит? — гадала девочка. — Наверное, волнуется, что меня еще нет».

— Какие оценки? Почему так поздно? — с порога начала выпрашивать Маргарита Андреевна.

Эх, мама! Да какая, к чёрту, разница, какие оценки, если Джойстик был сегодня так близко! Зачем вообще спрашивать об оценках, если жизнь потеряла смысл, потому что Джойстик — старшеклассник, самый красивый парень в школе, а она — жалкая восьмиклашка, ребёнок!

Даша опустила на пуфик в прихожей и, не ответив, принялась расстегивать сапоги.

— Ты двойку получила, что ли? — с недоумением предположила мать.

— Да! — с вызовом призналась Даша.

— По какому? — подбоченившись, строго спросила Маргарита Андреевна.

Даше вдруг захотелось крикнуть: «По всем!» Она закипала от злости: дочь едва живая вернулась, а мать только о двойках беспокоится!

— По информатике, — заявила девочка, зло-радно глядя в материны глаза.

— А рейтузы где? Откуда у тебя такая юбка? — всерьёз всполошилась Маргарита Андреевна. — Говорила же, чтобы ты рейтузы не снимала! Зима на дворе! В самом деле!

Даша вдруг сползла с пуфика и легла на пол — к ботинкам, сапогам, тапочкам... В щеку приятно впивались крупинки песка, ничего больше не хотелось — только лежать тут, на полу, представляя себя тапочками, у которых нет никаких проблем.

Нет, это не к Даше пристали на остановке те парни из «девятки»... И чужой платок унесла не она... И двойки получал кто-то другой... И те злополучные рейтузы забыла в школьном туалете не она... И Джойстика знать не знала... И, вообще, нет этой Даши, у которой вечно куча неприятностей... Есть только тапочки... Вот так бы лежать всю жизнь рядом с ними, только чтоб никто не трогал, не ругал, не пытал идиотскими вопросами. Ну какой спрос с тапочек?

— Ты чего устроила?! Разлеглась тут, в самом деле! — тормошила Дашу за плечи испуганная не на шутку мать. — Вставай!

— Отстань! Отвали! Не трогай меня! — прокричала Даша, отталкивая Маргариту Андреевну локтями. — Отстань!

— Ты как с матерью разговариваешь?! — мать даже побагровела от гнева, не мигая, испытующе, но с удивлением смотрела она на приподнявшуюся с пола дочь. Губы Маргариты Андреевны задрожали: — Я вот сейчас отцу позвоню... всё расскажу! Пусть тебе стыдно будет! — угрожающе выдохнула она.

— Только попробуй! — огрызнулась Даша, вскочила с пола. В дверях своей комнаты надрывно прокричала: — Ненавижу тебя!!! Ненавижу!!! — шелкнула задвижка.

Повалившись на кровать и уткнувшись в подушку, Даша заревела в голос. Слезы лились не переставая. Из кухни до неё доносились мамини всхлипывания, и от этого ей становилось ещё горше: хотелось не то что на полу лежать —

провалиться сквозь землю. «Мама, мамочка! Не плачь! Прости меня! Я просто люблю его, мама!» — думала Даша и рыдала взахлёб.

Мутное узорчатое стекло двери дрогнуло от стука. Утирая слёзы, девочка села на кровати в позу лотоса. Решила не открывать. К счастью, мама не настаивала — вернулась в кухню.

Слёзы кончились — вылились на подушку, а вместе с ними и всё плохое, что случилось сегодня.

10

Теперь Даше полегчало. Начала собираться с мыслями: «С платком как-нибудь можно разобрататься завтра... Ну, подсунуть незаметно в тридцать седьмой или повесить в гардеробе... Двойку можно исправить... А рейтузы... Кому они нужны? Страшные, старые, в них ещё мама в молодости ходила. Лежат себе в туалете, наверное, и меня дожидаются. А Максим... посмотрел. Это много значит! Так что не реветь надо, а приводить себя в порядок!» Последней мысли Даша даже улыбнулась.

Она достала из кармана телефон и зашла на страницу Максима. Тот был в сети. Какое счастье, когда он онлайн! Как будто человек вот здесь, совсем рядом, и расположен к разговору. Только начни, скажи что-нибудь — он ответит! И очень заманчиво выглядит голубая кнопка «Добавить в друзья». Как долго Даша сдерживала себя, чтобы не кликнуть на неё! Но почему? Чем она хуже других? Сонька Миндюкова добавляется в друзья ко всем без разбора — у неё их больше пятисот набралось! А вдруг Даша такая же коллекционерка друзей — возьмёт и отправит запрос. Тем более что оставаться незамеченной Максимом ей больше не хотелось. А если не примет заявку?

Даша с внезапной решительностью, почувствовав себя Сонькой Миндюковой, ткнула пальцем в синюю строку и затаила дыхание. Одобрил! Так быстро! Даша подпрыгнула от радости на кровати. Что бы ему написать?..

«Привет, — набрала она. — Классно ты играл».

«Спасибо, — сразу прилетел ответ. — Привет».

И — молчание... Даша ждала прыгающих точек, обозначающих, что собеседник пишет сообщение, но ничего не последовало. Спустя

несколько минут, обновив страницу, увидела, что он вышел из сети.

11

Заплаканная Маргарита Андреевна сидела за кухонным столом и, подперев острый подбородок кулаком, неподвижно, будто ледяная скульптура, смотрела в окно. Увидев на пороге дочь, она медленно поднялась и шагнула к плите — раскладывать по тарелкам уже остывший ужин.

На истонченных, как пух, волосах с обильной сединой в такт движениям покачивалась массивная заколка в виде грозди винограда.

— Мам, прости, — садясь за стол, выжала из себя Даша.

Если после ссоры Даша не извинялась, Маргарита Андреевна не разговаривала с ней — лишь с молчаливым упрёком посматривала в её сторону. Обычно долго эту пытку девочка не выдерживала.

И сейчас обиженная мать в ответ на извинение только печально вздохнула. Даше показалось, что и без того осунувшееся лицо Маргариты Андреевны ещё больше вытянулось и заострилось.

Даше хотелось нарушить это гнетущее молчание.

— Что ты мне на день рождения дарить будешь? — напрямик спросила, ковыряя вилкой картофельное пюре.

— Ничего. Денег нет. Тортик куплю да носочки новые, — грустно ответила Маргарита Андреевна, уставившись в какую-то точку за окном.

— Я подстричься хотела... — намекнула девочка.

— У отца спроси. Он мне триста тысяч должен, — безразлично ответила мать, будто Даша была виновата в долге отца.

Ели молча — больше говорить было не о чем.

12

Оттепели чередовались с ночными заморозками. Деревья стояли в хрустальных гирляндах из сосуллек, а днём на солнце влага струилась с ветвей. Костлявые пальцы кустов тор-

чали над осевшими сугробами, будто присыпанными чёрным молотым перцем. По улицам лениво ползали угрюмые жуки-троллейбусы, шустрыми муравьями сновали легковушки.

К обеду город звучал мелодией весны: шуршали шины по влажному асфальту, дворники и снегоуборочная техника скребли липкий снег, оживлённые голоса прохожих вплетались в переключку гомонящих птиц.

Но Даше было совсем не до учёбы, потому что в то самое время в подвале одной трёхэтажки гремела живая музыка. Вместо урока русского девочка брела по широкой улице к нужному дому.

Теперь Даша с наслаждением представляла, как Ида Эдуардовна, согнувшись над учительским столом, словно настольная лампа на кронштейне, выводит в классном журнале букву «Н» напротив её фамилии. Воображение разыгралось — не удержишь! Обычно при этом сжатые губы русички смешно подёргиваются, точно помогают в написании. Буква в Дашиной графе получается большая, ровная, с волнистой переключкой — самая красивая и заметная среди остальных «Н». Вдруг угрюмое, как чугунный уют, лицо в Дашиных фантазиях исказило удивление — наверно, от каллиграфически выведенной буковки. Теперь некрасивое лицо Иды Эдуардовны напомнило девочке... галошу! Ту самую, какую обычно надевают на валенок. И вдруг галоша, будто материализовавшись, со всего размаху огрела прогульщицу по голове.

В этот момент Даша как вкопанная остановилась прямо посреди тротуара. Вот она — эта трёхэтажка!

Над улицей с жужжанием уже витал дребезжащий звук. Он врвался в уши, наполняя душу волнением и неясной тревогой.

«Вот дура! — не решаясь подойти к двери в подвал, откуда ревели гитары, подумала Даша. — Зачем притащилась? А вдруг все испорчу? Уж тогда он точно меня заметит!» Она тут же как будто взглянула на себя со стороны: худая дылда с плоским, как компакт-диск, лицом, — таким прыщавым, что, наверное, и жаба бы позавидовала. Теперь мысленно, как куклу, приставила к себе Максима и ужаснулась. Нет, ну что может быть между ними?! Переминаясь с ноги на ногу, так и стояла в нерешительности.

«Чё тогда припёрлась?!» — ругнулась на себя Даша и шагнула в сторону заветной двери. «А вдруг обманула Маринка? — кольнуло страшное предположение. — Я ж едва её знаю... Подумаешь — покупаю у неё учебники! Глупая, поверила!..»

В голове тут же нарисовалась старшеклассница Маринка, чей парень, Лёшка из десятого «б», играет в группе вместе с Максимом. Вот она, открыв сообщение «ВКонтакте», ржёт над Дашей, как цирковая лошадь. Уж Маринка-то всё просекла, с чего вдруг эта малявка выспрашивает про репетиции! Только тупая не догадается! Маринка с какой-то стати даже позвала её туда — ну типа просто послушать. Но с Дашей вдвоём идти отказалась — типа она раньше придёт со своим, а с Дашей встретятся уже на месте, то есть в подвале.

Девочка невесело усмехнулась: «Возьмёт и вовсе Маринка не явится. Вот умора будет!» Снова она стояла под дверью, не решаясь потянуть за ручку.

13

Музыка стихла, изнутри слышались шаги. Подвальная дверь угрожающе дёрнулась и распахнулась.

— Вот те раз! — обнажая крупные зубы в широкой глуповатой улыбке, воскликнул костлявый молодой человек с острым, как у дятла, носом. Он вдруг театрально скрестил руки на сердце и пропел: — Love always comes as a surprise...¹

«Вокалист!» — узнала Даша.

— А Марина... тут? — пролепетала, как только юноша замолк и вопросительно уставился на неё.

На длинном худом лице по-прежнему сияла улыбка — несуразная, будто приклеенная.

— Тут... тут! Проходи! — молодой человек распахнул перед гостьей дверь и широким жестом пригласил внутрь.

«Что я делаю?» — мысленно взывала к здравому смыслу Даша, но вошла в подвал. Сердце ёкнуло: услышав скрип двери, Максим обернулся и встретился с ней взглядом. Он смотрел на неожиданную посетительницу недоумённо. «Что я здесь делаю?!» — метался вопрос в голове Даши.

— Эй, я здесь! — спасением прозвучал звонкий женский голос.

Маринка!

И Даша скользнула в глубь подвала по узкому проходу. Едва не споткнувшись о валявшийся на полу гитарный чехол, села рядом с Маринкой на школьную скамейку, непонятно каким образом попавшую сюда.

— Привет, — с облегчением выдохнула Даша.

Раскрашенная, как на дискотеку, Маринка в ответ только кивнула. От неё разило куревым и дешёвым тональным кремом, которым мазались почти все девчонки в их школе. Только сейчас Даша огляделась и заметила, что за Маринкой сидит ещё одна любительница рок-музыки — пухлая девица с ярким макияжем. Знакомое лицо — тоже из их школы.

Сидеть на скамейках неудобно, к тому же в подвале было холодно, пахло сыростью, стены зачем-то оклеены упаковками от яиц. Девчонки, зябко кутаясь в одежду, сутулились. Ноги мёрзли — Даша посмотрела на свои заношенные зимние сапоги, зачем-то поправила на себе вылинявшую куртку. «Цвет бедности», — подумала она и больно прикусила губу, в который раз проклиная себя за то, что пришла.

14

Из динамиков вырывался оглушающий звук и заполнял маленькое помещение — так сжатый воздух наполняет камеру колеса при накачивании. Даше казалось, комната вот-вот взорвётся от грохочущей музыки. Максим тонкими пальцами умело перебирал струны и, увлечённый игрой, ни на кого не смотрел.

Девочки изучали заинтересованными взглядами красавчика басиста. Ещё бы! Было на что любоваться: модные рваные джинсы на стройных ногах, темно-зелёная клетчатая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей и... волосы. Конечно, прекрасные, длинные, до плеч, волосы!

Барабанщик и вокалист девчонок настолько не впечатляли.

«Ничего особенного», — не удержалась от сравнения Даша и вновь липла смущёнными взглядами к Максиму. Нельзя же быть таким

¹ Любовь всегда приходит внезапно...

чертовски красивым! «Он похож на какого-то актера, — вдруг подумала девочка. — Из тех старых фильмов, которые мама постоянно смотрит в интернете». В голове тут же возникли лица первых красавцев советского кинематографа: Миронов, Абдулов, Янковский... «Нет, — отмахнулась Даша от этой мысли. — Всё не то! Ни в какое сравнение с ним не идут!»

Джойстик вдруг представился ей суперзвездой. Вот он улыбается белоснежной улыбкой с красочных афиш! А роковой взгляд из-под тяжёлых век такой задумчиво-удивлённый, выразительный и ещё немного печальный... Такой печальный, как... как... «Как утренний туман!» — наконец подобрала нужное сравнение Даша.

Микрофонную стойку ритмично раскачивал высокий и хлипкий, как жердь, вокалист, встретивший Дашу у дверей. Электрогитара на нейлоновом ремне, перекинутом через шею, висла, словно стосковавшаяся девушка. Поднеся к губам сетчатую шляпку микрофона, парень то пел, то надрывно кричал.

— Не парь мне глаза-а-а... Не парь мне глаза-а-а, — тянул он припев, положенный на рваную мелодию. — Не парь мне глаза-а-а, не парь!.. — на последних словах он визгнул так громко, что у Даши заложило уши.

Толстячок Лёха, смешно выпячивая пухлую нижнюю губу от напряжения, наяривал за ударной установкой. То ли желая покрасоваться перед девчонками, то ли задетый невниманием своей Маринки, он вдруг подбросил вверх барабанную палочку: та эффектно перевернулась в воздухе и не менее эффектно пролетела мимо растопыренных Лёхиных пальцев. Он быстро подхватил её с пола и, хмурясь от неудачи, продолжил выбивать мотив.

Песня кончилась.

Максим водил медиатором по струнам. Динамики заскрежетали, заскрипели.

— Тебя как зовут? — поставив микрофон на стойку, спросил у Даши вокалист; это получилось так дружелюбно и снисходительно, будто он разговаривает с ребёнком.

— Даша, — буркнула она, немного обидевшись.

— Я вот Артур. А это — Максимка и Лёха, — широко улыбнулся он, как при той встрече на

улице. — Лёха, сгоняй за пивом, — будто внезапно забыв про гостью, попросил Артур.

— Чё я-то? — возмутился тот. — Я на прошлой неделе ходил!

— Ты из нас самый старший. Тебе меньше двадцати лет не дашь, — с настойчивостью торгаша уговаривал Артур.

— Денег-то нет, — заскулил Лёха.

Артур покопался в кармане, вытащил пятирублёвую монету и припечатал её к стоявшему в углу журнальному столику:

— Начало есть!

Максим наскреб пятнадцать рублей, а Лёха гордо заявил:

— Плачу золотом! — и высыпал на столик целую горсть десяти- и пятидесятикопеечных монет.

15

Даше в сотый раз хотелось провалиться сквозь землю, глубоко-глубоко. Максим так близко, но даже не смотрит в её сторону! Сколько раз ей мечталось об этом моменте: она случайно окажется в одном с ним помещении, и он спросит что-нибудь у неё... что угодно... А теперь вот он — рядом, только руку протяни. Но ведёт себя так, будто Даши и в помине нет! Неужели она незаметная, как тень? Даже тех раскрашенных девиц Максим угостил оплеухой презрительного взгляда, а она — словно комар, жалкая букашка... Муха, залетевшая с улицы!

Дверь хлопнула: Лёха ушёл в магазин, а в душевное помещение ворвалась струя свежего воздуха. Максим вновь тронул струны басухи. Даша пыталась уловить что-то знакомое в мелодии, а заодно произвести впечатление, поэтому сидела ровно, стараясь держать спину, — не как те девицы. А у самой предательски полыхали щёки, выдавая то, что происходит внутри.

Телефон в кармане Максима вдруг зарычал, зазвенел и тут же притих. Парень вытащил его, провёл по большому экрану пальцем, будто перекрестил, и чему-то улыбнулся.

«Интересно, кто ему пишет? Может, у него девушка есть? — гадала Даша. — Конечно же, есть! И красивая, не то что некоторые! — со вспыхнувшей вдруг ревностью подумала она.

— С чего я вообще решила, что мы можем быть вместе? Леонардо Ди Каприо и прыщавая восьмиклашка — отличное сочетание!»

— Вот башка дырявая! — закричал Артур, артистично хлопнув себя по лбу. — У меня же проходки есть на «Ассенизаторов»! В «Ведре» играют через неделю!

Он выдал по билету девчонкам, а затем протянул два Максиму, попутно что-то спросив. Суть вопроса Даша не поняла, но расслышала имя — Ленусик. Что ещё надо? И без того всё понятно! Есть какая-то девушка!

Даше стало тяжело дышать — казалось, душа отделилась от тела и зависла в воздухе, как воздушный шар. Влюблённой девчонке, ошарашенной новостью, казалось, что она смотрит на всё с высоты. Вот она парит возле одиноко горящей лампочки под потолком, потом переместилась в угол — к подвешенному на креплениях старому велосипеду. Потеряв всякое соображение, Даша отрешенно уставилась в пустоту.

Балагурия, Артур рявкнул в микрофон. Даша вздрогнула. Нельзя было выдать себя! Её же засмеют, все сразу догадаются! Чтобы не привлекать любопытных взглядов, она чуть пригнулась к коленям, наклонила голову и, прикрыв лицо волосами, начала тихонько тереть уши. Так ей советовала делать врачиха, безрезультатно лечившая Дашину загадочную «вегетососудистую дистонию» — то ли болезнь, то ли состояние души, то ли черту характера.

Это имя — Ленусик — жгло огнём. Как такое возможно?! Даше казалось, от одного слова у неё физическая боль. Услужливое воображение тут же нарисовало существо женского пола... Конечно, она высокая, с идеальной кожей и шелковистыми длинными волосами... Да, как в рекламе. И макияж у неё идеальный — чуть заметный и абсолютно естественный... И тонкие, будто точёные черты лица. Даша ещё и в глаза её не видела, но уже чувствовала, что высокие шпильки этого Ленусика безжалостно втоптали её в грязный пол этого подвала. Да, потому что по-другому быть не может! Если Максим считает Ленусика своей девушкой, то она либо модель, либо с лёгкостью чуть позже ею станет. Рядом с ним не может быть другой!

16

— ...Вы бы ещё пакеты из-под молока повесили! — со смехом фыркнула Маринка, осматривая обклеенные упаковками от яиц стены.

— Это для звукоизоляции, — со знанием дела снисходительно объяснил Артур; острый кадык на длинной тощей шее ходил вверх-вниз.

Тут он ни с того ни с сего вспомнил про Дашу и участливо, как у малыша, спросил, попутно проверяя звук в микрофоне:

— Дашу-уня, чего загрузи-ила? Раз-раз. Со-си-соч-ная, за-ку-соч-ная...

Та не ответила, лишь поджала губы и отвернула лицо. Воображение тут же нарисовало жуткую забегаловку с тараканами, в которой продают одни сосиски, и Даше захотелось срочно очутиться хотя бы там — только бы убраться отсюда.

И опять в «студию», как называли мальчишки этот подвал, ворвался свежий воздух с улицы, а вместе с ним и покрасневшийся Лёха — без куртки, в чёрной шапочке, напыленной на самую макушку. Пластиковый стакан с разливным пивом в поднятой выше головы правой руке — как факел с олимпийским огнём. Счастливый Лёха медленно, чтобы не расплескать, прошёл к ударной установке, устроился на сиденье и жадно отхлебнул. Потом стакан-факел пошёл по кругу. Максим пил деловито, по-взрослому. Артур — комично, выдохнув перед этим, изображая алкаша. Девицы — скромно по глоточку, нервно хихикая. Даша с отвращением мотнула головой, отказываясь от угощения. В груди её будто оборвалось что-то. Ладно — шалопай Лёха, двоечницы — девицы эти. Но Максим! Её кумир... тот, кем она так восхищалась... и пьёт пиво?!

17

Ребята, весёлые и разгорячённые, вывалились из подвала на улицу и направились к автобусной остановке — сначала надо было проводить дам.

Подавленная Даша шла позади всех, разглядывая прозрачную ледяную бахрому на деревьях. «Зачем я ему? — в отчаянье думала она. —

Даже не смотрел в мою сторону, будто я пустое место!» Она чувствовала себя опозоренной, ведь ежу понятно, что все догадались, почему она явилась на репетицию. Кто поверит, что она ради музыки там сидела! Бежать бы отсюда сломя голову... как будто и не было ничего!

В раздумьях Даша и не заметила, что Максим оказался совсем рядом.

— Ты же в нашем районе живёшь?.. В Чугунке? Я тебя видел, — обратился он к ней, когда подростки толпились на остановке.

— А я тебя — нет, — соврав, выпалила от неожиданности девочка, а сердце выбивало бешеный ритм, как тот барабанщик полчаса назад: Максим в первый раз заговорил с ней! Сам! Старшеклассник, рок-музыкант, к тому же... самый красивый мальчик в школе! Значит, он всё-таки её заметил! Происходящее казалось нереальным.

Просторы Чугунолитейного района на мгновение всплыли в её голове неправдоподобно прекрасным пейзажем. Вид сверху, с высоты птичьего полёта! Картина маслом — раскинувшаяся в низине Чугунка! Крупные мазки — серые многоэтажки, чёрные — упирающиеся в небо трубы промзоны — всё это в обрамлении высоких елей под снежными шапками и... бесконечное голубое небо в мастихиновых дымчато-фиолетовых клубках пара от градирен.

— Классно ты про книги рассказываешь. Читаешь много? — спросил Максим.

Он как будто мерцал, расплывался в Дашиних глазах, словно призрак. А может быть, ей это всё показалось, воображение разыгралось?

— Что? — глупо уставилась она на него, фокусируя взгляд на длинных пальцах, теребящих на плече лямку гитарного чехла.

— Ну... канал твой на «Ютубе»... У тебя «ВКонтакте» ссылка на него. Это ж ты мне вчера писала?

— А-а... — туго соображала девочка. — Ага...

— Я посмотрел: почти полторы тысячи подписчиков! Круто! — с неподдельным интересом говорил он, глядя на Дашу одним глазом: на другой эффектно спадала густая прядь каштановых волос. — Среди моих знакомых таких, как ты, нет...

Даша таяла, жадно ловила каждое его слово, интонации. Но тут раздался голос Артура:

— Потопали с нами! — пробасил он, обращаясь к Даше.

Маринка с подружкой укатили на дребезжащей маршрутке, а музыканты вместе с Дашей пошли домой пешком.

18

Они свернули на широкую улицу, упирающуюся в шафрановую глыбу здания железнодорожного вокзала, увенчанного острым шпилем.

«Таких, как ты, нет, — сдерживая улыбку, повторяла про себя Даша. — Таких, как я?..» Радость от принадлежности к загадочным «таким», — наверное, особенным, ценившимся не за красоту, а за ум, — умиротворяюще легла на душу, словно первый снег, выпавший на зелёную траву, ещё не тронутую осенней слякотью. Акварельный силуэт Ленусика вдруг как-то потускнел, кое-где даже размылся, будто кто-то капнул на него воды.

Даша шла рядом с Максимом. Хилой восьмиклашке, к тому же на каблуках, поспевать за высокими мальчишками, широко отмеряющими шаги, было непросто, но она не отставала.

Даша с любопытством разглядывала всё вокруг, словно видела свой город впервые... Осевший бугристый снег, покрытый городской грязью. Нарядные старинные домики с высокими окнами выстроились вдоль проспекта, как курсанты на параде, за ними вдалеке крышей уткнулась в небо шестнадцатизэтажка. А на привокзальной площади — модное здание переливается стеклом... «Гигантский инопланетный мыльный пузырь!» — решила для себя Даша. Где-то там, за гостиницей, на окраине города дымит трехголовое чудовище ТЭЦ, тяжело, но ровно дышит утомившийся Змей Горыныч: даже здесь, в центре, на бледном небе вьётся тоненький язычок серой дымки от него.

19

Н аверное, ни у кого во всём городе нет такого ярко-оранжевого берета, как у Каринкиной мамы. Апельсиновое пятнышко мелькало среди прохожих, как проблесковый маячок, становясь всё крупнее. Даша помнила

этот берет ещё с той поры, когда стояла вместе с Ефимовой на первой в их жизни линейке. Тот день — первое сентября — выдался прохладным, и над девочками высилась рыжеволосая женщина с тем ядрёным беретом на макушке. Он точно прирос к её огненным волосам, с того дня Даша не видела Каринкину маму без него. А скорее всего, просто не замечала — другое дело, когда такой пожар на голове! Следом за матерью тащила сама Каринка, совсем неприметная на фоне пёстрой улицы.

Первым, ещё издалека, радушно поздоровался с женщиной Артур и лучисто заулыбался.

Когда оранжевый берет подплыл совсем близко, Даша негромко пропела: «Здравствуйте!» — а в глубине души возмутилась наглостью Ведьмы: «Прогуливает и даже от матери не скрывает!»

Будто подслушав её мысли, Ефимова недобро зыркнула на Дашу из-под объёмной шапки. Бледная как смерть, она напомнила ей девочку-призрака из фильма «Звонок».

Максим небрежно бросил приветствие, точно выплюнул старую жвачку, — свысока, сквозь зубы.

Лёха, почти не размыкая губ, буркнул что-то невразумительное. Это была и его мама тоже.

Женщина в пальто, затасканном, вылинявшем — не то что этот пресловутый берет! — прошла мимо ребят, торопливо покивав в ответ, попутно выдала какие-то указания сыну. Теперь она плыла в потоке людей. Следом плелась Каринка в мешковатых мальчиковых джинсах и черной куртке, чуть выбеленной по спине северным солнцем.

Даша заметила, что Максим поморщился, не скрывая брезгливость.

— А чего у тебя сестра какая-то... дикая? — подбирая слова, чтобы не обидеть, спросил он у Лёхи, затем обернулся и посмотрел вслед Каринке.

Даша заметила, как женщина открыла белую дверь, над которой горела красными буквами вывеска: «Зайди за деньгой!» Они с Каринкой юркнули внутрь, а на улице, пританцовывая от холода, остался зазывала в алом жилете и с листовками в руках.

— Зайдешь за деньгами, а выйдешь с долгами, — проследив за Дашиным взглядом, зарифмовал Артур.

— Не знаю, — запоздало ответил Максиму Лёха, зачем-то скривив лицо, — точно попробовал вопрос на вкус и он показался ему кислым. — Её в школе обижают.

— А ты заступись, — тут же участливо вмешался Артур. — Ты же брат!

— Да я... — мялся Лёха, опустив голову, будто прятался от расспросов в меховой воротник куртки.

— Ей самой-то приятно на себя в зеркало смотреть? — презрительно произнёс Максим. — Гадкий утенок. Может, когда вырастет, преобразится? А то и красоткой станет? — хохотнул он.

Даше вдруг отчего-то показалось, что этот смех обращён и к ней тоже.

— А давайте её на следующую «репу» позовём! — воодушевлённо предложил Артур, не обращая внимания на едкие слова друга.

И без того улыбочивый, он сиял, как стоваттная лампочка, потому что вспыхнувшая в голове идея показалась ему отличной.

— Замётано, — не дожидаясь реакции друзей, заключил Артур. Это короткое слово он произнёс так по-хозяйски твёрдо, что Максим и Лёха, пожав плечами, вынужденно согласились.

20

Дальше двинули молча, изредка переговариваясь по мелочам. Так дошли до спального района. У входа в продуктовый магазин, слегка покачиваясь, стоял неказистый мужичок с отсутствующим взглядом — как мечтательная корова на выпасе. В этих местах подобные физиономии — привычное дело.

— Пацаны, сыграйте, а? — заметив зачехлённые гитары, вдруг промычал неожиданно прозревший пьянчуга.

— Неохота-а! — по-актёрски шутиливо протянул Артур, чтобы поскорее отвязаться.

— Да я вас как мужиков прошу! — с отчаянным вызовом продолжил изрядно набравшийся любитель рок-музыки.

Ребята прошли мимо алкаша. И вдруг произошло то, что логическому объяснению не поддавалось: Максим вернулся и со всей дури ударил мужика кулаком по лицу. Откуда взя-

22 *Екатерина Митрофанова*

лась в нём эта ярость? Почему? Зачем? Думать было некогда.

Даша вскрикнула, из магазина выходили еще несколько алкашей. Их было человек пять, но девочке виделась толпа зомби. Да какая разница, сколько их?! Всё могло кончиться плохо! Очень плохо!

Максим схватил оцепеневшую восьмиклассницу за руку и пустился бежать, таща её за собой. Каблуки застревали в снегу, но крепкая тёплая рука не отпускала Дашу.

21

Запахавшимся от быстрого бега подросткам открылся унылый двор с покосившимися сарайками и деревянными домами. Раскрашенные в яркие цвета покрывки на детской площадке пестрели, точно грим на замученном угрюмом лице уставшего от жизни клоуна. Откуда-то доносились звуки выбиваемого ковра, слышался далекий лай собак. На обесцвеченной временем двухэтажке висела небольшая тряпичная растяжка с вычурно-кучерявой надписью: «Парикмахерская».

— Нью-юрка-а!!! — кто-то надрывал голос, растягивая гласные. — Нью-юрка-а!

Этот бабий крик настолько вписывался в городской пейзаж забытой богом рабочей окраины, что Даша даже не испугалась: без него картинка была бы неполной.

Переводя дыхание, ребята оглядывались по сторонам.

— Турку побили! — первым выпалил Лёха. — С-суки!

Отставший от друзей Артур ковылял к компании. Одной рукой держался за живот, другой волочил по снегу зачехлённую гитару. На его бледном, как у покойника, лице теперь не было привычной улыбки, и Даша даже засомневалась, он ли это.

На самом деле в физиономии Артура-Турки не было ни одной турецкой черты. Но девочка догадалась, отчего его так прозвали: вспомнила чёрный балахон с белыми месяцем и звездой в красном прямоугольнике, в котором он иногда ходил. Точно, это и был турецкий флаг! Да и имя созвучно прозвищу: Турка-Артурка.

— Ты чё к алкашу этому полез? — Артур с на-

ездом выкрикнул Максиму. — У нас концерт на носу! Тут осталось-то! Ещё по роже получить не хватало!

— Кто ж знал, что их там столько?.. — вступился за друга Лёха, по-телячьи моргая маленькими глазками с длинными ресницами.

Максим молчал. Но на раскаявшегося человека совсем не походил: он стоял, приосанившись, и высоко держал голову. Лёгкую нервозность выдавали лишь длинные пальцы, которыми Максим тербил какую-то веточку, обломанную с куста.

Не дождавшись ответа, Артур хмуро взглянул на Дашу, но всё же подмигнул: мол, не бойсь, всё образуется, и не такое бывает. Потом сплюнул, бросил друзьям:

— Хрен с вами, — и зашагал прочь, в сторону своего района.

Ребята, молчаливые, точно пришибленные, побрели следом. Под ногами хрустел снег. На горизонте уже виднелись серые градирни, полосатая красно-белая труба.

22

У подъезда Лёхиной пятиэтажки на скамейке сидел дядя Костя. Добродушный, веселый, он умел с каждым найти общий язык. Музыканты стрельнули у него сигарет, а он, понимающе улыбнувшись, щедро отвалил им из своей пачки.

Мальчишки завернули за дом — покурить. С ними, сама не понимая зачем, увязалась и Даша. Здесь было меньше любопытных глаз, значит, шансов спалиться, — по соседству стояли заброшенные здания. Они безучастно смотрели на мир глазами выбитых окон; точно скелет огромного доисторического животного, из земли торчали металлические опоры, кое-где виднелись серые бока длинных строительных блоков.

Парни побросали окурки в сугроб и деловито попрощались, крепко пожав друг другу руки, — совсем как взрослые.

Артур был по-прежнему хмурый, но за живот уже не держался.

— Рад был с тобой познакомиться, Дашенька! — пытаюсь улыбнуться, произнёс он и сунул ей в ладошку билет.

«На «Ассенизаторов»! — догадалась Даша. — Интересно, сколько их ещё у него?»

Тяжело проваливаясь в глубокий снег, Лёха потащился в свой подъезд не по утопанной тропинке, а — как короче — по снежной целине. Максим, спокойный, медлительный, направлялся туда же, но по дорожке. Артур двинул в противоположную сторону.

Даша сначала стояла в нерешительности, потом вдруг сорвалась с места за Максимом.

— А ты в каком доме живёшь? — решительно спросила она, не ожидая от себя такой смелости.

— Ты меня проводить решила? — Максим обернулся.

— Почему бы и нет? — заявила восьмиклассница с не свойственной ей наглостью.

Он снисходительно и удивлённо смотрел на девочку, сказал:

— Значит, это ты...

Эта чудная фраза прозвенела в зимнем воздухе и исчезла, оставив Даше эхо недоумения.

23

Подростки шли по Чугунке, и та под серой тряпицей неба представляла перед ними во всей красе. Даше казалось, это толстуха развалилась на ложе и демонстрирует свои прелести. Правда, похоже! На горизонте выпирали массивные груди-градирни, выпячивалось бедро главного корпуса ТЭЦ. А в зимнем воздухе тянуло мазутом — это её удушливые духи!

Максим и Даша всё отдалялись от жилых домов. Значит, оттягивались и минуты расставания. Счастливая восьмиклассница, затаив улыбку, послушно следовала за своим героем.

Впереди расстилался пустырь, заросший седой щетиной — белёсыми кустами. На снегу — заброшенная школьная теплица. «Как скелет мамонта!» — фантазировала Даша. Вокруг гиганта — какие-то строительные бруски. Кости! Справа от теплицы возвышалось недостроенное кирпичное здание, которое когда-то должно было стать корпусом профессионального училища.

Даша взглянула на небо: молочно-дымчатое с сиреневатыми мазками облаков, оно будто сияло перламутром. «Даже небо сегодня необычное, — подумала она. — Будто сон. Я гуляю по Чугунке со старшеклассником, о котором

мечтают, наверное, все девчонки в школе! Вдруг я действительно сплю? Разве это может быть реальностью?»

Её герой тем временем скрылся в дверном проёме недостроенного здания.

24

Даша в нерешительности остановилась у входа. Запах заброшки², знакомый с детства, ворвался в нос, освежив неприятное воспоминание. Однажды шестилетней девчушкой она вместе с подружками пошла смотреть на развалины недостроенного детского сада. Дети с любопытством заглядывали в пустые помещения. На полу валялся мусор, стены украшали разноцветные надписи и рисунки. В одном из закутков на куске арматуры, торчавшей из стены, висела обезображенная дохлая кошка. Это зрелище так испугало Дашу, что на заброшки она больше не ходила.

Максим позвал её:

— Идёшь? — и девочка шагнула за ним.

Сам он уже разжигал «камин». Не настоящий, конечно. Это была незамысловатая конструкция, сооруженная из найденных на стройке материалов. На «ножках» из кирпичей возвышалась металлическая вытяжка, состоявшая из трубы и косога воздухозаборника с поперечной решеткой. Теперь к запаху заброшки примешивался терпкий бархатный аромат дымка.

В камине вроде разгоралось, и Максим, наблюдая за огнём, уселся в старое автомобильное кресло. Даше он предложил устроиться на стоявшей у «камина» «скамеечке». Вообще, какой «камин», такая и «скамейка» — доска на ножках из кирпичей.

— Так вот ты какая... А я тебя не так представлял. — Даша недоумённо посмотрела на Максима. — Ты классная, — продолжал он. — Канал ведёшь на «Ютубе»... Книги читаешь... Стихи пишешь...

«Стихи? — растерялась Даша, но промолчала. — Какие стихи? Что ж, буду писать и стихи, если он так хочет», — подумала она. Ей было так хорошо сейчас, что всё казалось сном... моро-

² Заброшка (разг.) — заброшенные здания.

ком. Даже Максим будто бы в тумане... Или это дым повалил из самодельного камелька?

Даша любовалась своим героем: он виделся ей таким благородным... как аристократ! А какой у него высокий лоб! Она вдруг ясно осознала, на какого именно актёра он похож. Ни на какого! Максим сам как знаменитый актёр! У него все данные для этого: красивая внешность, выразительные жесты, голос. Его горделивость, даже надменность с легким оттенком печали, удивительно сочеталась с мечтательностью и обаянием. Таким и должен быть настоящий актёр!

«Камин» тихонько, будто стараясь не нарушить идиллии, потрескивал досками. А дым и вправду проникал прямо в помещение, отчего в воздухе чувствовалась смоляная горчинка. В пустом оконном проёме белый свет постепенно вытесняли сумерки...

25

На другой день старенькая «ауди», заскрипев колесами, подъехала прямо к Дашинному подъезду.

— Привет! — девочка села в машину, пристегнулась ремнём безопасности.

— С наступающим вареньем тебя! — вместо приветствия зашевелил рыжими усами отец. На его лице расплылась улыбка.

— Спасибо, — кивнула Даша.

— Значит, едем в парикмахерскую... Как стричься-то будешь? — спросил отец, выжимая педаль сцепления и включая крепкой ладонью первую передачу.

— Коротко, — просто и легко ответила дочка.

— Не жалко?

— Мне уже ничего не жалко. — Заметив варежки на резинке, свисающие с рукавов отцовской куртки, она тихонько хихикнула: «Вот чудак!»

Вообще-то, по словам Дашинной мамы, отец не чудак, а дурак. А его чемпионство по шахматам — прямое тому доказательство: «Гении все немного того!..» Хотя дочери было понятно, почему отец носит варежки на резинке: чтобы не потерять. Но спорить с Маргаритой Андреевной Даше не хотелось. К чему эти разговоры? Любой аргумент дочери в защиту отца она с легкостью отбивала стальным мечом — его долгом по алиментам. Во-

обще-то, алименты он платил, но не всегда. Вот как-то и получилось, что задолжал — и висят теперь на нём злосчастные триста тысяч. Выходит, у бывшей жены всегда есть повод для упрёков.

Машина катила по заснеженному городу. Белые, как в пене, деревья после снегопада и бесчисленные прямоугольные многоэтажки, вспыхивающие окнами в вечерних сумерках, проносились мимо.

Из динамиков тихо лилась ритмичная музыка, мужской голос с хрипотцой пел. Едва уловимый аромат выдохшихся елочек вперемешку с запахами бензина и выхлопных газов нравился Даше. Вот так бы ехать долго-долго... и чтоб Максим был за рулём.

Сквозь стекло девочка смотрела на темнеющее небо. Оно уже не было таким завораживающе-необыкновенным, как тогда, над Чугункой. После вчерашнего Даша поняла, что ради Максима готова на всё. Лишь бы уничтожить Лену-сика. Отбить его у неё! Теперь и у Даши есть шанс, ведь Максим не просто заметил, а гулял с ней!

26

Наконец отцова «ауди» остановилась у свешившейся вывесками пятиэтажки, в торце которой теснилась маленькая парикмахерская.

— Пока тебя там кромсают, съезжу-ка я за пищей, — жизнерадостно предложил отец, когда Даша вылезала из салона. — Тебе какую?

— Лайт, — сказала она и почувствовала, что и вправду голодна. — С маринованными огурцами которая... И с карри.

На каждый праздник отец угощал дочку пищей. Это стало уже традицией — хотя бы символично отметить вдвоём, без матери.

Даш, — позвал отец, опустив водительское стекло. Она обернулась. — Пошли завтра в поход?

— В поход? — удивилась дочка. — Сейчас же зима! Кто в такое время в походы ходит?

— А дома чего киснуть? Сосиски на костре пожарим. Справлять всё равно в субботу будете — мать-то на работе.

Даше нравилась эта идея отца, но... на другой чаше весов был концерт по случаю юбилея школы, а значит, возможность увидеться с Максимом.

— Пап, у нас концерт завтра. Пятидесятилетие школы, — отмазывалась Даша, соврала: — Класснуха сказала: тем, кто домой свалит, двойки поставит по своему предмету.

Отец понимающе пожал плечами. И Даша двинула в парикмахерскую, на ходу припомнив один случай...

Как-то она пришла к отцу в гости и, пока тот доставал из кухонного шкафчика угощение, сама по-хозяйски налила в кружку кипятка из электрического чайника, утопила в нём чайный пакетик. На вкус чай оказался солонватым и... жирным! Дочь заглянула в чайник и увидела в нём... сардельки! Видимо, отец варил их себе на обед, да не съел.

«Всё-таки он чудак», — с умилением думала Даша.

27

Утреннее небо придавило Чугунку тяжёлыми бледными телесами.

Даша брела в школу, глубоко вдыхала свежий воздух, чтобы привести себя в чувство. На уроки идти в таком состоянии не хотелось. В глазах у неё рябило, казалось, она вот-вот упадет в обморок, прямо здесь, по пути в школу. Лучше бы здесь, чем на концерте Максима! Такого позора она допустить не могла.

В обморок Даша падала только дважды за всю жизнь. Первый раз — когда сдавала кровь из вены. Процедуры самой не боялась, но как-то неожиданно для себя повалилась на кушетку, на которой сидела. Второй — в душном магазине. Кто-то из посетителей даже полез в карман за телефоном, чтобы запечатлеть на видео сей «фэйл», но, к Дашиной великой радости, не успел — она уже поднялась, уцепившись за крепкую мамину руку.

Ой как не хотелось, чтобы сегодня, в такой важный день, на концерте, произошёл третий раз!

«Может, вернуться, на уроки сегодня не ходить? — медленно шагая по протоптанной вдоль железной дороги тропинке, спрашивала себя Даша. — Вон... как Каринка. Попрошу маму записку училке написать, якобы у меня голова болела в этот день. И вообще, у меня день рождения...»

Маргарита Андреевна тут же визуализировалась в Дашином сознании, точно прочитала

мысли. Она гневно зыркнула на нерадивую дочь. На тронутых сединой волосах чуть дрогнула гроздь винограда — её неизменная заколка. «Боюсь, мама на это не пойдёт», — решила Даша и с пути не сворачивала.

Ветви высоких елей устало прогибались под тяжестью выпавшего за ночь снега. Рельсы бесконечно улеглись вдаль. Пахло мазутом. Утробный гул разлетелся по всему району — трёхголовый змей ТЭЦ не спал, как обычно. Унылая картина, одним словом.

Радовал лишь свежий снег, весело хрустевший под ногами. Да, вокруг тоска и безнадёга, а он лежит себе, переливается, — так маленький ребёнок среди убитых горем домашних продолжает беззаботно играть, не способный ещё в силу возраста осознать беду.

28

Заметив впереди тощую фигуру, Даша ускорила шаг.

Каринка! Это её черная вылинявшая куртка и высокая, как папаха, сиреневая шапка. И кто додумался сотворить такой «шедевр»? Ещё и цветы из толстых ниток в тон присобачили. Впрочем, шапка вышла такая же несуразная, как и её владелица.

— У тебя грязно сзади, — догнав Ведьму, бросила ей в спину Даша.

Каринка, почуявшая, что кто-то её преследует, и так пошла быстрее, а тут вдруг припустила со всех ног.

— Да стой ты, дура!!! — не выдержала Даша.

Каринка остановилась, обернулась. Опустив голову, она стояла перед Дашей с таким видом, будто безропотно ждала своего конца. Угольки глаз вспыхивали из-под густых бровей.

— Сзади, говорю тебе, грязно! — выпалила Даша и, подойдя сзади, наклонилась, чтобы очистить Каринкины джинсы то ли от мела, то ли от известки: большое пятно белело на правой штанине.

«Какая же она жалкая! Убожество! Ведь я не хотела её обидеть! Просто помочь! А эта глиста безмозглая испугалась! И где только умудрилась так испачкаться? Вчера её в школе не было. Сколько она в таком виде проходила?» — думала Даша. Хиленькая, тоненькая Ведьма покачивалась, пока одноклассница счищала пятно.

Даша усмехнулась про себя: «Как бы не при-

летело по башке от этой неадекватной! Вон как в челюсть мне залепила! Никогда не знаешь, чего от неё ждать! Или наябедничает класснухе, якобы я её побила!» Но Каринка покорно стояла, не проронив и слова, словно смирилась с неизбежным.

— Ну, вот и всё! — поднявшись с корточек, наконец объявила Даша. — Теперь другое дело.

Дальше они зашагали рядом и молчали до самой школы, обе обескураженные случившимся.

29

— Ты чё, с этой пришла, что ли? — у гардероба вместо приветствия и поздравления наехала на Дашу Светка, кивнув в сторону Каринки. И с восхищением добавила: — О! Постриглась? А-афигеть! И в чёрный покрасилась?! Как «Токио Хотель»!

Каринки и след простыл. А Даша сунула шапку с шарфом в рукав и повесила куртку на крючок.

— Нормальная она, — пожав плечами, буркнула в ответ Даша.

— Нормальная? — вытаращила глаза Светка. — Ты сама-то нормальная?!

Даша не ответила. Подхватив сумку, двинула к кабинету. Света — следом.

Было открыто — ребята занимали свои места, и Даша села за свою парту.

— Ты кто? — остановился, вылупившись на неё, Мишка. — Якушева, ты эмо?

— Отвали! — небрежно ответила ему Даша.

И он отошёл, глупо гогоча на весь кабинет.

— Знаешь, что на ТЭЦ авария? — с азартом выпалила Светка, точно радостную новость сообщила. — Папка сказал: там капец! Даже мужика какого-то придавило!

Не отреагировав, Даша достала свой телефон и проверила, нет ли новых сообщений «ВКонтакте». Есть! От Максима!.. От её Максима... Это был не сон. Джойстик поздравлял её с днём рождения. Всего три слова и... ромашка. Пиксельная маленькая ромашка... Такая тёплая и чистая, как... как весенняя капель!

30

Звонок остервенело вспорол ребячий гомон. Всегда угрюмая, Ида Эдуардовна сегодня смотрела на ребят несколько иначе: ка-

залось, к вечной печали в её глазах присоединилось разочарование... или отчаяние... или даже настоящая скорбь.

Она с видимым усилием поднялась с учительского стула и, стоя у доски на возвышении, как на сцене, убитым голосом сообщила:

— Совершено преступление!

Кабинет зашелестел встревоженными головами. Зюзя удивленно присвистнул. Новицкий даже привстал, затем сел на место, загрохотав стулом.

— Понимаете, — обратилась Ида Эдуардовна к ученикам как-то робко, точно она даёт объяснение следователю или судье, — эта вещь была мне... дорога. Я знаю... Я чувствую, вы за глаза смеётесь надо мной. Но ведь я человек! — По классу прокатились смешки. — Да, я прежде всего человек, — твёрдо повторила училка, когда наконец наступила тишина, сдержанная и напряжённая, — а не только учитель. В моих отношениях с Аркадием Савельевичем ничего стыдного нет.

— Вы даже ни разу не целовались, что ли? — серьёзно спросил Новицкий, снова вызвав вспышку смеха.

Класс, будто расслабившись от того, что ничего страшного не произошло, загомонил. Ребята ехидно переглядывались, обсуждая услышанное.

— А чё за преступление-то? — вспомнив, спросил Зюзя, перекрикивая одноклассников.

Ребята, насторожившись, притихли.

— Несколько дней назад у меня украли платок! — сказала Ида Эдуардовна. — Он подарен дорогим мне человеком... Я искала его, надеялась, что найдётся. И я не хотела верить, понимаете!.. Но теперь уверена, что это сделал кто-то из вашего класса.

— Между прочим, у нас в стране презумпция невиновности! — со знанием дела подковырнул Новицкий.

— Где доказательства, что платок взял кто-то из нас? — возмутился Робозёров.

— Доказательства?! — сорвалась на крик ручка. Её лицо покрылось красными пятнами, а губы дрожали. — Да только в вашем классе я встречаю столько издевательств! Смешки ваши... на доске мне послания рисуете... сердечки эти... записки дурацкие в сумке своей нахожу! За что вы меня так ненавидите?! — в её голосе уже звенели слёзы.

— Это мы так вас любим, Ида Эдуардовна! — не унимался Новицкий. Он даже встал и, неестественно улыбнувшись, широко раскинул руки для объятия.

Училка, не обращая на него внимания, продолжала:

— Я знаю... только ваш класс на это способен! — прикрыв лицо руками, она выскочила из кабинета, хлопнув дверью.

— Психопатка! — патетически бросил в мёртвую тишину Новицкий.

Ученики сидели как замороженные.

Светка толкнула плечом сгорающую от стыда преступницу. То ли сочувственно, то ли злорадно шепнула Даше:

— Чё, влипла! Загуляла с ним, что ли?

— Долго рассказывать, — неохотно буркнула Даша и вперилась взглядом в окно. Она чувствовала свою вину, но сейчас обсуждать это не хотелось. Не повинишься же при всех: «Это я украла платок...»

Из-за длинной густой чёлки Даше теперь приходилось наклонять голову вбок — на манер Максима. Сейчас у неё модная причёска, как у неформалов... Хоть бы он оценил!

Ну, а платок... Что — платок! Мелочь какая! Можно ведь придумать, выкрутиться как-то! Вот на ТЭЦ авария — это гораздо серьёзнее. В серой дымке, над страдающим от боли, гудящим монстром виднелась чёрная точка. «Птица, — догадалась девочка. — Наверно, прилетела на твой зов и не знает, как помочь?»

31

Следующим был урок географии.

Гестапо, географичка, появилась в кабинете неожиданно. Те, кто её первым заметил, испуганно притихли за партами, а остальные, продолжая веселиться, находились под прицелом её строгого взгляда. Таким и убить можно! Вот-вот грянет выстрел.

Вообще-то, Маргарита Сергеевна не всегда была Гестапо. Даша помнила времена, когда пожилую учительницу иронично-ласково звали Риточкой. Прозвище Гестапо прицепилось к ней, когда она читала восьмому «б» лекцию в школьном музее, которым заведовала. Рассказывала о Героях Советского Союза, об ужасах Великой Отечественной войны, о боях, кото-

рые шли здесь, в Чугунолитейном районе города. Голос её звучал мощно, с напором, как в старых военных фильмах или сводках новостей с поля боя. «Враг вероломно ворвался в город... Триста пятьдесят седьмой полк... Под командованием...» — и цифры, цифры, цифры, имена, имена... На слове «гестапо» интонация взлетала вверх. Время от времени Риточка тыкала указкой в чёрно-белые фотографии, развешанные на стенах, брала в руки каски, флаги, медальоны, найденные поисковиками в Чугунолитейном районе. Кудрявая медная шевелюра сотрясалась от почти актёрского монолога. Казалось, душное маленькое помещение музея накаляется от её голоса, — вот-вот не выдержит, воспламенится воздух.

«Ну, Гестапо даёт», — тупо-удивлённо пробасил Зюзя, выходя из музея. Так и приросло к Маргарите Сергеевне это прозвище.

Сегодня Гестапо привычно целилась взглядом в каждого по очереди, а заслышав шебуршание, мигом припечатывала смельчака окриком.

На географии Даша оказалась за партией одна. На перемене Светка куда-то умотала, а вернувшись, вдруг села к... Миньдюковой! Сонька, выкатив объёмную, будто накладную, грудь под тонкой водолазкой, с соседнего ряда насмешливо поглядывала на Дашу. Светка в сторону бывшей соседки не смотрела.

Училка рассказывала что-то о географическом положении их города, потом переключилась на район, рисовала на доске, периодически бухала толстыми каблуками по деревянному полу. А Даша по привычке глядела то на заснеженные деревья и перевёрнутые вёдра ТЭЦ в окне, то на недовольное лицо географички. На самом деле в данный момент происходящее на улице интересовало девочку гораздо больше, потому она настороженно вслушивалась в стоны трёхголового промышленного змея. «Что с тобой? Кто тебе поможет?» — думала Даша.

32

— ..А русалки здесь тоже были? — внешне запно долетел до её ушей выкрик Новицкого.

— Если хочешь что-то спросить, подними руку! — процедила географичка и невозмутимо продолжила: — И русалки, и лешие — это ши-

роко известные мифические существа. А я говорю о здешнем, известном только в нашем крае мифическом существе квидофе. По преданию, много веков назад здесь, на месте нынешнего Чугунолитейного района, в лесах обитали громадные существа с огненными глазами — квидофы. Они обладали магической силой: могли задурманить разум любому, кто попадал в их поле зрения.

«Что ещё за квидофы?..» — недоумевала Даша.

— Это типа человек с катушек слетал, что ли? — громко спросил Новицкий, вытянув вверх руку.

— Он их убивал ихними же желаниями! Мне бабка рассказывала, — сумничал Зюзя.

— Человек переставал видеть грань между реальностью и иллюзией, — с увлечением продолжала Гестапо, не обратив внимания на высказавшихся без разрешения учеников. — Мечты, желания людей становились для них явью, пока они находились в поле зрения квидофа. В такие моменты жертва могла сделать с собой что угодно: пойти в лес следом за желанной красавицей и утонуть там в ламбушке или даже прыгнуть с обрыва, ощутив себя птицей! В этом и заключается коварство квидофов. И тем не менее многие люди сами искали встречи с ними, чтобы хоть на мгновение воплотить свои мечты в жизнь.

— Крутяк! Я тоже хочу с ним встретиться! — вновь не удержался восторженный Новицкий. — Я ж не такой дурак, чтобы в воду идти. Я на месте стоять буду.

— Но ты же не будешь знать, что попал под взгляд квидофа! — возмутилась училка, встряхнув медными кудрями.

— А я сразу догадаюсь! — тут же нашёлся он. — Как только начнут все мои желания разом исполняться, значит, оно! Ну, может, признаки всякие будут... Чудеса там... Леший бродит...

— Хватит, — пальнула взгляд в назойливого ученика географичка. — Вернёмся к теме урока.

— А расскажите ещё мифы про Чугунку? А?! — радостно заскулил Новицкий, вскинув над головой руку.

— На контрольной таких вопросов не будет! — отрезала училка. — Мы и так отвлеклись.

В дверь постучали. Каблуки Маргариты Сергеевны сурово прогрохотали к двери. Восьмой «б» только этого и ждал: ребята завертелись, зашептались.

Даша торопливо достала смартфон из нового чёрного рюкзака — мама всё-таки нашла деньги на подарок Даше. В поисковике девочка набрала: «Определить по фото...» Всезнайка «Гугл» услужливо подсказал: «...На кого из знаменитостей похож...» Даша загрузила, куда просил сайт, фотографию Максима и стала ждать результата.

— Ефимова!!! — прогремело в кабинете как выстрел. И уже тише, сдержаннее Гестапо добавила: — Карина, выйди в коридор.

Класс наострил уши. Стояла гробовая тишина. А в дверном проёме появилась голова психички — школьного психолога.

Первым подал голос Новицкий. С наигранным участием и заботой затараторил:

— Забираете уже? Давно пора. А то она странная какая-то в последнее время... Переживаем за девчонку...

Рыжие кудри Маргариты Сергеевны опасно задрожали, глаза прищурились в прицеле — сейчас громыхнёт.

— Безоружных не бьют! — мигом оценив обстановку, заныл Новицкий и поднял руки, как арестант.

Гомон и смешки прокатились по кабинету.

— Вон!!! — взорвалась Гестапо.

— За что? — завопила жертва.

— За дверь! — отрубил географичка.

Даша в это время рассматривала фотографию какой-то знаменитости. Длинноволосый мужчина смотрел на неё томным взглядом, отчаянно пытаясь хоть немного походить на Максима.

Девочка включила на телефоне спящий режим, полезла в карман джинсов, вытащила оттуда бумажку и положила перед собой на стол. Помятый, чуть махристый прямоугольник билета, полученный от Артура, лежал перед ней. Даша впервые бегло пробежала взглядом по строчкам. Внутри у неё похолодело: «Какая ещё «Беда от нежного сердца»? При чём здесь театр?» Вместо проходки на концерт «Ассенизаторов» Турка всучил Даше билет в театр! На нём синел штамп: «Бесплатно».

34

На перемене все болтались по коридору, ожидая, когда откроют кабинет.

— ...Они с Ведьмой подружки теперь! — хихикала Светка, искоса отслеживая, слышит ли Даша.

— Для кого постриглась-то? Для Джойстика? — ржала на весь коридор Сонька Миньдюкова.

У Даши перехватило дыхание: «Эта овца тупорылая всё рассказала ей про Максима!»

— Они, наверно, вместе стричься ходили! — злорадно вставила Светка.

А Даша только сейчас обратила внимание, что Каринка тоже постриглась. Старомодное каре, но явно не дома обкорнали — видно было руку парикмахера. Даже чёлочка ровная появилась, объём на макушке... «Может, и вправду, нормальная она? — мелькнула в Дашиной голове мысль. — Но почему её даже «ВКонтакте» нет? Как она вообще без него живёт?!»

Ведьма стояла у двери кабинета, уставившись в пол. Периодически она откидывала с лица волосы, убирая пряди за крупные оттопыренные уши.

Даша всем своим существом вдруг почувствовала Каринкино напряжение, страх. «Ждёт, наверно, что сейчас Миньдюкова и по её стрижке пройдёт», — догадалась Даша и решила, если уж так случится, заступиться за Карину. Соньку она не боялась, а уж толстуху Светку — тем более. Но дикарке повезло — после оглушающего звонка в неё прилетело лишь презрительное: «Красотка!» А затем появилась Птичка, порхая крылышками своей широкой персиковой блузки, и загнала всех в кабинет.

35

После информатики Даша шла по второму этажу к туалетам. В конце коридора заметила ребят-музыкантов, решила подойти поздороваться.

Издалека Даша расслышала, что они ссорятся. Максим стоял с невозмутимым, даже как будто отрешённым видом. Артур психовал — как это не похоже на него!

— Ты опять?! Что с тобой происходит?! Мы

сегодня выступаем! — кричал Турка на Максима. — Обэжэшник из тебя отбивную сделает. С ума сошел с ним драться?

— Он учитель. Не имеет права, — громко вставил стоявший чуть в сторонке Лёха.

Чтобы не попасть под горячую руку, Даша развернулась, пока её не заметили, и направилась в другой туалет — этажом выше.

На душе у неё было тревожно. Она представляла драку своего героя с крепким, как боченок, Сергеем Николаевичем — учителем по основам безопасности жизни. «Чем он так насолил Максиму?» — думала Даша.

36

После уроков всем школьникам велено было собраться в столовой, планировалось мероприятие по случаю юбилея школы.

Даша вошла в столовую, огляделась.

Обшарпанная блёклая столовка, обычно заставленная старыми коричневыми столами, сегодня радовала: она сияла разноцветными шариками, переливалась атласными ленточками. Вместо столов зал заполнили ученики. На сцене перед стойкой с микрофоном толкала речь директриса. Наверно, чтобы усилить воздействие своих слов, она забавно размахивала руками и переминалась с ноги на ногу.

По-прежнему стоя у входа, Даша подумывала, к чему всё это действие и скоро ли кончится.

Вдруг в дверях откуда ни возьмись появился Максим, его грудь перечеркивал ремень от гитарного чехла.

Даша — так уж вышло — оказалась на его пути. Заметив её, он, точно вспоминая далёкое прошлое, безразлично обронил:

— Эй... Это же у тебя раньше длинные волосы были?.. — и, не дождавшись ответа, прошёл через толпу к сцене.

Даше казалось, что вот сейчас она точно хлопнется в обморок. И пусть все смотрят. Пусть выкладывают куда угодно — хоть на «Ютуб». Плевать! Какая разница, если Максим — уже не её?! Он ведёт себя как чужой! Будто они едва знакомы!.. Будто и не было у них того счастливого дня, тепла от самодельного каминна, удивительного перламутрового неба!

Даше хотелось провалиться сквозь землю. Вот как такое возможно: неужели и правда он

её едва помнит? Или не врут, когда говорят, что в Чугунке обитали квидофы? Может, встретился ей такой квидоф и затуманил разум, а на самом деле ничего с Максимом у неё не было?! Кстати, признаки появления местного чудища, о которых говорил Новицкий, присутствовали, — необыкновенное, будто светящееся миллионом огоньков небо...

37

— Крутая прическа! — послышался над самым ухом Маринкин голос. Старшеклассница, нажёвывая жвачку, возвышалась над Дашей. — Чё, пойдёшь ещё на репу? — то ли спросила, то ли утвердила она и после недолгой паузы продолжила: — А эта девка... ну... у вас в классе... Каринкой, кажется, зовут... Ты с ней не общаешься?

Даша отрицательно покачала головой, ощущая себя в каком-то мороке. Словно всё происходящее — сон. Да и никакой репы вчера не было... никакой прогулки с Джойстиком. И стричься она не ездила. И подруги-предательницы у неё нет! И злосчастный фиолетовый платок русички лежит не в её рюкзаке. Ей просто-напросто приснился кошмар!

— Я грешным делом на тебя подумала, — приобняв Дашу, сказала Маринка. — А ты, оказывается, клёвая девчонка! О чем позавчера с Максимом-то трепались? Мне Лёха рассказал, что вы на их место ходили. Вдвоём.

— Так... об увлечениях поговорили... и домой пошли, — выдавила из себя Даша, с ужасом осознавая, что Максим рассказал друзьям обо всём.

«А с чего я решила, что это должно быть нашей тайной? — одёрнула себя, но тут же вцепилась в спасительное воспоминание: — Но как же та пиксельная ромашка «ВКонтакте»? Или не было её вовсе? Привиделось? Опять проделки злобного квидофа?»

— Там конфеты раздают в честь праздника, — обдавая Дашу крепким запахом сигарет и косметики, вклинилась в разговор Маринкина подруга, которая тоже была на репетиции. — Дак а чё там с этой-то? — спросила, разворачивая блестящий фантик.

— Фиг знает, — пожала плечами Маринка. — Говорят, стихи хорошие писала...

«Какие стихи? — недоумевала Даша. — Опять эти стихи?»

— Представляешь, эта ваша шалава Максустихи слала! Эсэмэски ему строчила, — пояснила Маринка, точно услышала Дашины мысли, — причём имя своё не называла. Писала только, что в восьмом классе учится. Короче, влюбилась в него по уши.

— Неудивительно, — засмеялась вторая старшеклассница и мечтательно добавила: — В такого-то красавца...

А Маринка продолжала вводить Дашу в курс дела:

— Потом всё выяснилось. Лёха в телефоне у неё сообщения эти нашёл, когда она спала. Только неизвестно, где она вторую симку взяла. Не со своего номера писала... Ты-то хоть не втюрилась? — подтрунивала Маринка. Даша не ответила, складывая в голове события, чтобы разобраться, что к чему. — Шучу! — по-своему поняла это молчание Марина. — Не обижайся. Ты клёвая девчонка! На «Ассенизаторов» в «Ведро» пойдём вместе? Артур с Лёхой — их фанаты.

Какие теперь «Ассенизаторы»? У Даши и билета нет! Так и не дождавшись выступления школьных рок-звёзд, девочка бросилась к выходу из столовой. Глаза её наполнялись слезами — вот уж точно: беда от нежного сердца.

38

В раздевалке, не глядя, Даша метнула по стойке деревянный номерок старой гардеробщице.

— Ополоумела, что ль? — закипела та, подбирая с пола деревяшку. — Повырастали, ироды!

Пока она ходила за курткой, Даша стояла, прислонясь к сиреневой свежеекрашенной раме, ещё пахнувшей краской, — даже не сообразила, что может испачкаться.

Накинув куртку, выбежала на крыльцо, там и увидела спускавшуюся по ступенькам Каринку. От кипевшей внутри обиды Даша со всей силы толкнула соперницу в спину так, что та пролетела две оставшихся ступеньки и шлепнулась на снег. Шапка-папах слетела, приземлившись чуть дальше. Не обронив и слова, даже не ответив обидчице коронным царапающим взглядом, Ведьма поднялась, подобрала своё сиреневое

«седло» и, нахлобучивая его на голову, поплелась по узкому, присыпанному песком тротуару.

— Дура!!! — чувствуя свою беспомощность, кинула ей в спину Даша.

Каринка шла медленно, немного пошатываясь, — такой измождённой она казалась.

— Так её!!! — заорала Миньдюкова, наблюдавшая сцену из-за угла школы, где обычно курили.

Рядом с ней гоготала Светка. Почти сразу обе тоже двинули от школы через кусты, по тропинке.

39

Даша брела домой, тихонько плача в высокий воротник куртки. В душе образовалась пустота — будто сердце вырвали из груди. Деревья пушились белыми хлопьями — шёл снег.

«Не парь мне глаза!» — отчего-то вспомнила девочка странные слова Артура и с ненавистью выкрикнула их воображаемой Каринке.

Около Дома культуры, упёршегося колоннами в крыльцо, Даша снова увидела Соньку и Светку. Чуть в сторонке понуро стояла Каринка, безучастно наблюдая за тем, что происходит. А подружки по-хозяйски дербанили её рюкзак, швыряя вещи по округе.

«Ну и пусть! — подумала Даша и помчалась прочь, сдвленная горькой обидой. — Так ей и надо, крысе ушастой!»

40

Вот уже и дом № 6, окна на втором этаже тёмные, грязные... В подъезде пахло удушливой вонью, как от кошачьего лотка и из мусорного ведра одновременно. Так бывает, когда где-то живёт плюшкин, который тащит домой «сокровища» с помоек и держит бессчетное количество некастрированных кошек. Даша знала, что зловоние идёт от бабки Любы с первого этажа — одинокой чокнутой женщины.

На пятом этаже жила Вика Гринько, Даше приходилось бывать у неё дома. Девочки как-то раз спросили у бабки Любы, почему она так любит кошек. «А кошки не злые. В отличие от детей», — блаженно улыбаясь, ответила им она.

Теперь Даша влетела в подъезд, не чуя под собой ног, но торопилась не к Вике. На втором этаже жили Ефимовы.

— А Карина дома? — спросила Даша, когда ей открыли дверь.

В проёме стояла Каринкина мать.

— Нет её! — резко ответила она. — Эт-т... см... мы... ково...

Из квартиры вырвалась странная смесь запахов: перегар, домашнее печенье, варёные яйца. Женщина была явно навеселе. Даша тревожно приглядывалась, пытаясь разглядеть, что происходит в глубине квартиры.

— А когда придёт?

— А я з-зы... наю? — крикнула Каринкина мать, покачиваясь. — Ш-шляется... Эт-то... смыково... — Она пьяно смотрела на неожиданную посетительницу и была совсем не похожа на ту рыжеволосую приметную женщину, которую знала Даша.

41

Попрошавшись, девочка зашагала вниз по ступенькам, обдумывая, куда бы могла пойти Ведьма. Что ещё за «смыково»? Где это? Может, там Каринка? Даше представилась маленькая захолустная деревушка Смыково, где нет ни работы, ни развлечений. Единственное, чем жители доставляют себе радость, — это алкоголь. «Да нет тут у нас никакого Смыково поблизости! — одёрнула себя. — Смы-сам... ево, — крутила на языке, осенило наконец: — Это самое... как его!» Даша слышала это выражение во дворе от поддатого дворника.

И понесли же её ноги в этот злосчастный дом! Хотя что ещё можно было предпринять в такой ситуации? Даша кинулась сюда после того, как прочла на странице Максима в соцсети странную запись: «ха ха эта дебилка написала мне по смс прощальное стихотворение. конец такой прости что стрелка на часах смеётся отсчитывая долгие года прости что сердце моё сильно бьется ты не услышишь его больше никогда». Именно такой пост на стене, совсем без запятых и заглавных букв...

«Никогда», — последнее слово эхом звучало в Даше. От ужасных догадок по телу её пробежали мурашки. На домашний костюм она накинула куртку, наспех всунула ноги в сапоги и выбежала из квартиры. Зачем? Что сказать? Откроет ли? Вопросы крутились в голове, но желание успеть глушило все сомнения.

То, что речь шла именно о Каринке, Даша не сомневалась. А о ком ещё Максим мог так написать? Даша-то ему стихов не присылала! А вообще, с чего она решила, что Ведьма может с собой что-то сделать? Это же просто стихи глупой девчонки. Мало ли чего можно насочинять. Может, слова просто в рифму так подходили? Но вдруг... вдруг эта влюблённая нелицеприятная и вправду что-нибудь с собой сделает? У неё с головой явно не в порядке...

Теперь Даша стояла у подъезда Каринки и соображала, куда бежать дальше.

42

Телефон истерил. Мама. Даша приняла вызов.

— На дворе ночь, в самом деле! — кричала Маргарита Андреевна, голос её звенел. — Ты куда убежала? К отцу, что ли? Скажи ещё, жить у него останешься! У тебя совесть есть? Ему до тебя дела не было! Это я ради тебя последнее отдавала!

Было всего восемь вечера. Даша слушала обвинения и, чуть отодвинув аппарат от уха, чтобы не оглохнуть, ждала, когда поток иссякнет. Когда наконец стихло, ответила:

— Мам, я жива. Здесь, во дворе, к Вике за книгой пошла. Мне для видео надо.

— А ты не могла утром сходить? — чуть успокоившись, спросила мама. Ты со своим «Ютубом» учиться плохо стала! Двойки одни! В темень такую пошла, да ещё в таком виде...

— Не одни, а одна, — поправила Даша.

— Это отец тебя балует, — снова заводилась Маргарита Андреевна. — Лучше бы алименты платил, а не побрякушки всякие покупал, в самом деле!

— Он платит! — не выдержав, заступилась дочь.

— Всё! Хватит! — рявкнула мама. — Ты уже до двоек скатилась! Я твою камеру выбрасываю!

— Что?! — в ужасе воскликнула девочка.

Но телефон молчал. Даша посмотрела на экран — мама отключилась. Теперь со всех ног школьница бросилась домой. Не верилось, что у мамы поднимется рука выкинуть камеру за пятнадцать тысяч рублей, но вероятность оставалась. Подаренный как-то отцом план-

шет мать отобрала и то ли спрятала, то ли вправду выбросила, как обещала, но Даша его больше не видела. Маргарита Андреевна была уверена: с планшетом дочь скатится в учебу. Да и подарки дочери от отца она всегда воспринимала с обострённым недовольством и обидой, будто они оскорбляли её достоинство. Смартфон папа подарил, предварительно спросив разрешения Маргариты Андреевны, и тогда та сдалась.

43

Подбежав к своему подъезду, Даша опять вспомнила о Каринке. Ах ты, господи! Хоть разорвись с этими чокнутыми! Где же она может гулять в такое время одна? Друзей у Ведьмы нет... А если сиганёт с карьера? Или — ещё хуже — с «островка»? Так называли вырванный при строительстве дороги клочок земли, на котором стояла ёлка высоковольтки. С одной стороны он был пологим, с другой — высился крутым обрывом чуть ли не с двухэтажный дом. И вообще, в Чугунке много опасных мест.

Эх, тяжело с психопатками! Вновь Даше представилась мать, срывающая камеру со штатива. Значит, не будет больше роликов с обзорами книг — дела любимого не будет! А ведь у неё уже столько подписчиков! Они ждуют! Неужели все труды насмарку?.. И тут же в голове нарисовалась ужасающая картина: изломанное тощее тело, сорвавшееся с высоты.

Чуть поколебавшись у своего подъезда, Даша вновь понеслась со всех ног — на этот раз к «островку».

Вот уже и он. Девочка пригляделась: кажется, наверху никого нет. Обежав холм, с пологой стороны она поднималась к высоковольтке. Теперь Даша стояла у края «островка» и смотрела на погружённую во тьму Чугунку: высоко, страшно. Змей Горыныч теплоэлектростанции уже не был. Обессиленный, он лежал, мигая огоньками на трубах и градирнях.

«Вот обвалится под ногами земля! — промелькнула вдруг безумная жуткая мысль. — А зачем жить, если камеры, наверное, уже нет... Максим решил, что я — Каринка, строчившая

ему эсэмэски... Светка отвернулась... Я теперь одиночка, совсем как Ведьма. К тому же — воровка». На всякий случай Даша отошла подальше от края обрыва и со шемящей завистью подумала: «Даже Гнида нашла своего принца...»

Телефон внезапно прервал Дашины размышления. Опять мама!

— Ты где ходишь? — неистовствовала в динамике Маргарита Андреевна. — Если сейчас же не придешь, камеру выброшу, в самом деле! И отцу скажу, чтоб больше ничего не покупал!

— Бегу! — крикнула в ответ Даша, осознав, что видеочамера у неё ещё есть. — Я почти у дома! Мама! Бегу!

44

Девочка летела вдоль улицы как настёганная.

Около круглосуточного магазина стояла белая тонированная «девятка».

«Та самая?» — с испугом предположила Даша. Громкая музыка разрывала вечернюю тишину Чугунки. Басы били из ушам, машина содрогалась и вибрировала.

Ноги Даши стали ватными, а сердце бешено колотилось. Она спряталась за угол пятиэтажки и принялась обдумывать дальнейший путь: «В обход — долго. Да и в городе много одинаковых машин. Не факт, что это те маньяки». Всё же пройти мимо Даша не решилась. И вдруг из магазина вышла... Каринка!

Из «девятки» тут же вылезли два бугая, точно только её и ждали. Сомнений не оставалось: это те самые гопники, которые приставали к Даше на остановке.

— Садись, красавица! Шоколадку тебе купим! — подвалив к замершей Каринке, засмеялся похожий на гоблина крепкий низкорослый мужчина.

— Хочешь мороженку? — с наездом предложил длинный — в спортивках и пуховике.

Теперь Каринка шарахнулась от них в сторону, но один из них преградил ей дорогу, растопырив руки.

«Ефимова! В магазин беги!» — подсказывала мысленно Даша из-за угла. Идти на подмогу было бессмысленно — что может сделать хилая

восьмиклашка против двух бугаев? Звать на помощь некого — кругом ни души.

Ведьма под «конвоем» двух гопников покорно тащилась к машине.

— Эй! — не выдержав, крикнула Даша и помахала руками.

— О! Иди сюда! Прокатим! — тут же оживился гоблин, заметив её.

— Не боись! — подхватил второй, заржав.

Они переключили внимание на новую жертву, и Каринка, воспользовавшись ситуацией, рванула со всех ног. Гоблин попытался схватить девочку за капюшон, но та чудом вырвалась. Теперь дёру дала и Даша.

45

Двоем они неслись по тёмным дворам куда глаза глядят. Даше казалось, что бандиты дышат ей в спину, оттого сердце готово было выпрыгнуть из груди. И вдруг она споткнулась, пролетела над обледенелой дорожкой и приземлилась, шмякнувшись на живот.

— Никто за нами не бежит, — тихо проговорила Каринка, подавая ей руку. Голос её в вечерней тишине лился тонко и звонко, как ручеек.

— Ты куда? — спросила Даша у Ведьмы, когда та зашагала прочь. «Даже спасибо не сказала!» — подумала о дикарке.

Карина обернулась:

— К тётке Вале. Пойдёшь со мной?

— Пойду, — ответила Даша, понимая, что сейчас одной идти домой небезопасно. — А твоя тётка не будет против?

— Нет, она хорошая, — робко улыбнувшись и тут же смущённо спрятав лицо в высокий воротник, призналась Каринка.

— А сама-то чего бродишь? — недовольно спросила Даша, вспомнив, почему она оказалась на улице в такое время.

— Да у меня нет никого дома, — не раздумывая, соврала Каринка. — На работе все.

Даша поразились тому, как быстро она выдумала эту ложь, точно заранее знала, о чём её спросят. Хотя и без того всё было понятно: мать пьяная — того и не захотела Ведьма дома сидеть.

46

— Ну что, купила печенье? — с порога спросила тётя Валя, даже не удивившись, что вместо одной пришли две девочки.

Каринка тут же протянула ей сдачу, пакет с расфасованным сахарным печеньем и буханку хлеба.

— Здрасьте, тетя Валь, — сказала Даша, узнав в женщине местную библиотечкару. Она и не подозревала, что та — Каринкина родственница.

— Здравствуй, Дашуля, — впуская девочек в квартиру, ответила крепкая, низкорослая, как медвежонок, женщина. Она и ходила всегда как-то по-медвежьи. — Приходите... вместе приходите. Кариночка вот каждый день ко мне заходит. Библиотека-то не до ночи работает, а я одна... Вот я и предложила ко мне приходите. Мне не жалко... Всё лучше, чем по улице бродить...

Девочки разделись в прихожей и прошли на кухню. Каринка села к окну и, убрав за ухо сальную прядь, начала грызть ноготь на мизинце, попутно наблюдая за разливавшей чай тётей Валею. Из-под жёлтого растянутого Каринкиного свитера торчали грязноватые белые оборки блузки. Даша смотрела на Ефимову и недоумевала: «Как эта замарашка решилась написать ему? Неужели она не понимала, что шансов у неё — ноль. Разве можно быть такой глупой, чтобы этого не понимать?»

— Она тебе родная тётя? — нарушив повисшее молчание, спросила Даша, когда хозяйка отлучилась из кухни.

— Не-е... — оживившись, протянула Ведьма. — Она мне вообще никто.

Каринка отхлёбывала чай, поглядывая исподлобья на собеседницу:

— А хочешь в «Денди» поиграть? — несмело предложила она.

— В «Денди»? — удивилась Даша, не зная, что и ответить.

— Да! Это игра такая... Приставка. У тётя Вали от сына осталась, — с азартом говорила Ефимова, глаза её сияли.

— Ну, давай, — с сомнением согласилась Даша.

В кухню заглянула тётя Валя, скомандовала,

чтобы гости хозяйничали сами, взяла свою кружку и пошла в комнату доделывать какой-то отчёт по работе.

47

Закончив с чаем, девочки перешли в маленькую комнату — очевидно, когда-то это была комната сына тётя Вали. Каринка привычно включила телевизор, стоявший в проёме мебельной стенки, подсоединила приставку и дала Даше пульт, а с другим сама устроилась на диване. И понеслось! Девчонки так увлеклись, давя на кнопки и отслеживая передвижение фигурок на экране, что не заметили, как пролетел целый час. Даша, нервничая, забавно поднимала пульт управления вверх, будто это могло помочь герою перепрыгнуть препятствие.

Каринка играла как профессионал — уверенно, спокойно. Глаза её горели восторгом и детской радостью.

— Ура! Я победила! — вдруг громко, как никогда раньше, выкрикнула она.

Тут Даша спохватилась. Время! Камера!!!

— Ого! — посмотрев на часы, ужаснулась она. Страшно представить, сколько раз звонила мама, пока забытый в прихожей в кармане куртки смартфон лежал в одиночестве.

Даша взглянула на Каринку и... не узнала. Дикарки не было, рядом сидела самая обычная девчонка-ровесница. Она улыбалась и смело смотрела в глаза однокласснице. Да и уродиной она не была, отметила про себя Даша, подумала: «И чем она хуже меня? Девчонка как девчонка. Ещё стихи пишет. Наверно, потому Максим и заинтересовался... Только подумал на меня. Хотя мы с ней в чём-то похожие... хотим найти своего принца. Может, нам обеим задурманил разум злой квидоф?»

48

По пути в туалет в узком коридоре Даша столкнулась с тётя Валею. Та кивнула на дверь в комнату сына и вздохнула:

— Жалко её, — прошептала она.

— Каринку? — глупо переспросила Даша и подумала: «Сама виновата, надо было обидчи-

кам сдачи давать — тогда бы не трогали. И мыться почаще».

— Кого ж ещё! — тихо ответила тётя Валя. — Матери дела до неё нет. Брат тоже разгильдяй. А ей жить-то осталось... — голос женщины дрогнул.

— Жить? — снова глупо переспросила Даша, с недоумением глядя то на дверь, то на тётю Валю.

— Сердце у неё, — призналась та. — А ты не знала, что ли? Подруга ещё... Операцию надо делать... в Москву её везти... А мать вроде и деньги нашла, да вот не удержала в руках — в запой ушла. Тьфу! Чтоб её!.. — Даша стояла как вкопанная. — А я и не знала, что у неё подруга есть, — продолжала женщина. — Думала, одиночка она. Кто с такой общаться захочет? — тётя Валя махнула рукой и прошла в кухню, а Даша заперлась в туалете.

Когда девочка вернулась в комнату к Карине, та в позе лотоса сидела на полу — с виду обычная девчонка, которая, как и ровесницы, любит весело проводить время в компании, так же визжит от восторга и мечтает о любви... Ефимова с благодарностью, по-доброму взглянула на Дашу, а у неё в груди по-тепело.

49

Да уж, наворотил квидóф дел в маленькой Чугунке! И Даше досталось, и Каринке, и Иде Эдуардовне, и даже Максиму! Зацепило и Маргариту Андреевну, и трудовика! Много кого. Подумать только, что могут творить эти чудища с людьми! Надо было срочно всё исправлять.

На следующий день, перешагнув порог школы, Даша первым делом направилась в учительскую.

За столом с аккуратно разложенными стопочками тетрадами сидела Птичка. Она листала классный журнал и чиркала в нём шариковой ручкой. Шёлковая с расклешёнными рукавами блузка на худом теле казалась светлым оперением. Точно, райская птичка!

— Можно? — спросила Даша, ради приличия постучав по уже распахнутой двери.

Информатичка встрепенулась, дёрнув акку-

ратным носиком-клювом, звонкой трелью откликнулась:

— Конечно.

Даша положила на стол около двери аккуратно сложенный фиолетовый платок и уверенно сказала:

— В туалете нашла.

Выйдя из учительской, она зашагала на урок.

В классе царил гомон. Звонок уже прозвенел, но училки не было. Ребята занимались своими делами. Мишка зачем-то подкидывал к потолку учебник. Высокий Новицкий, встав на стул, поглядывал в застеклённое окошечко над входом, не идет ли русичка. Зюзя в это время листал классный журнал. Сонька Миндюкова болтала со своей верной подругой Ленкой, которая неделю болела и сегодня вот пришла в школу. Светки пока не было.

Каринка сидела за последней партой одна.

— Привет, — села к ней Даша.

Светка теперь с Миндюковой. Не одной же куковать! Каринка со счастливым смущением поздоровалась так тихо, одними губами, что Даша еле разобрала: «Привет!»

Достав телефон, Даша открыла свой канал на «Ютубе».

Как хорошо, что мама вчера не выбросила камеру, а только запретила съёмки на неделю! Ничего. У Даши есть в запасе готовые видео — пока хватит. Количество подписчиков увеличилось, просмотров стало больше.

«ВКонтакте» в друзья попросился Артур. Даша зашла к нему на страницу. На аватарке фото с улыбкой на половину лица. Улыбнулась: «Во даёт! Как на паспорт!»

Присмотревшись, поняла, что это и есть фотография на паспорт. Оригинально! В анкете Артур писал, что подрабатывает помощником звукооператора в театре. «Вот откуда проходки на спектакли», — со смешком подумала Даша, принимая запрос.

50

На странице Максима красовалось два свежих поста: фотки со вчерашнего выступления в столовке и, видимо, старая фотография из рок-клуба с подписью: «Кру-

то! На следующей неделе играем в «Ведре». Максим с бас-гитарой стоял на сцене, освещённой цветными прожекторами. Длинные каштановые волосы — (какие же они у него пышные — будто каждое утро укладку делает!) — эффектно, как в рекламе, спадали на красивое, немного печальное лицо. Точно рок-звезда — манящая, недостижимая... Лайки ко всем записям от какой-то Елены Прекрасной. «От Ленусика», — догадалась девочка и вдруг осознала, что это не вызывает в ней никаких чувств. Ни ревности, ни обиды, ни зависти. Ей всё равно! Видно, и правда, отвязался от неё квидо́ф.

Даша скосила глаза на сидевшую рядом Каринку — удостовериться, не видит ли та, чью страницу она рассматривает в смартфоне. Но соседка, склонившись над партой, что-то увлеченно писала на вырванном из тетради листе.

В класс вошла Светка, удивлённо посмотрела на Новицкого, отирающегося возле двери. Увидев, что место рядом с Сонькой занято, Светка стрельнула в Дашу с Кариной разъяренным взглядом и недовольно зашагала к своей парте.

— Шухер! — закричал Новицкий и рванул на своё место.

На плечах Иды Эдуардовны красовался фиолетовый платок, лицо её сияло от радости.

Своим красивым почерком на доске она вывела тему — начался урок.

В большом школьном окне труба ТЭЦ разрисовывала бледное небо Чугунки. Даша смотрела на серую дымку, сперва принимавшую причудливые формы, а затем медленно растворяющуюся в огромном вечном небе.

— Карина, — шепотом обратилась к соседке и осеклась — она никогда не называла её так, без второго «К».

Та тоже посмотрела на неё изумлённо и робко улыбнулась. «А ведь она, если приглядеться, красивая... Брови выщипать да питаться получше, чтобы синяки под глазами убрать», — думала Даша, вспоминая откровения тёти Вали. И чуть громче, уверенней спросила:

— Карина, есть карандаш запасной?

Она взяла у соседки совсем не нужный ей карандаш и поглядела в окно: горизонт застилала бело-серая перламутровая дымка непростой, неизвестной, совершенно непонятной взрослой жизни.

*Иллюстрация
Павла Олюшкина*

□

Екатерина МИТРОФАНОВА

родилась и выросла в Петрозаводске,

живёт в Финляндии.

Публиковалась в журналах «Север», «Иные берега Vieraat rannat»,

«Русский свет», альманахе «Русское зарубежье».

Лауреат конкурса «Северная звезда»-2012 в номинации «Проза».

Финалист литературного фестиваля

«Золотой запас «Севера» (2019).

Награждена дипломом «За литературное мастерство»

II Международного литературного конкурса

«Зуб мудрости» (2020).

Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии.

